

МИР

№5-1923

ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МОСКОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА и И. Ф. АФАНАСЬЕВА

МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 38.

Содержание № 5 — 1923 г.

	Стр.
Аспид (с 8 рис.) рассказ <i>В. Муйжеля</i>	1
Нерожденный (с 4 рис.) рассказ <i>С. Тимошенко</i>	15
Страшный груз (с 6 рис.) <i>Т. Робертса</i>	31
М-р Бодкин, зоолог (с 8 рис.) <i>Л. Ларкина</i>	51
Паутина (с 5 рис.) <i>В. Кэн</i>	69
Трюк для кинематографа (с 3 рис.) <i>Д. Майель</i>	85
Комната кошмаров (с 3 рис.) рассказ <i>А. Конан-Дойля</i>	101
Четверо справедливых IV. Человек, который дважды умирал — серия <i>Э. Уоллеса</i>	111

Евполиграфшкола,
 Москва, Мамоновский пер. 2.
 Главлит 11411. Тираж 25.000.

РЕШЕНИЕ РЕБУСА

помещенного в № 3.

„И НАШИ СЕРЫЕ ОРЛЫ ДВУГЛАВОГО ОРЛА СЛОМАЛИ“

Из полученных ответов всем условиям конкурса удовлетворяют 17.

Часть полученных ответов прибыла после указанного срока, часть была написана не на купонах и потому считаются неправильными.

Ближайшую цифру (число верных ответов) указали:

1) МОРОЗОВСКИЙ С. С. (Киев)	}	15
2) ШЕМЯКИН Б. Д. (Рыбинск),		

Приз (1 банкнот) делится между двумя решившими поровну и будет выслан по получении от выигравших запросов, с повторением адреса или указанием кому в Москве они доверяют получить премию.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

1923 г.

Книга 5-я

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИК РАССКАЗОВ

Рассказ В. МУЙЖЕЛЯ.

— В передней не громко, но настойчивобрякнул звонок раз и потом другой. Нянька, толстая женщина, приготовившаяся заварить из кипящего самовара засыпанный в чайник чай, сердито бросила на спинку стула чайное полотенце и пошла отворять. Дома были все, был тот час — девять вечера, — когда в дом изредка заглядывали

близкие знакомые. Нянька не спрашивая откинула крючок — и чуть не выронила забытого в руке чайника.

— Свят, свят, свят!.. — забормотала она, отступая назад: — сгинь — пропади!.. В первый момент нянька подумала, что это вымазанный сажей налетчик, но разглядев — увидела, что еще хуже: совсем черный человек и свер-

кают в полусвете лестницы только безукоризненный воротничок, крупные лошадиные зубы и белки глаз, как облупленные яйца.

Черный человек что то говорил, часто повторял «уэл», «ю», «айт». Не запирая двери, с холодом в животе, нянька поплелась кое-как; ноги у нее отнимались.

Черный человек что-то говорил.

— Там... пришел... Аспид сущий... — Бессвязно лепетала она, вышедшему в столовую хозяину квартиры,—я отворила, а он... Свят, свят, свят!..—Ах, это верно Джек Кен!—вскрикнул хозяин.—Ти, иди сюда, пришел этого американский поэт, с котсырым я—помнишь рассказывал тебе—в академии познакомился!..

Он поспешил в переднюю, где черный человек успел снять пальто, котелок и оправлял галстук перед зеркалом.

— Мистер Кен! — приветствовал хозяин черного гостя по англий-

ски, я не нахожу слов, чтобы выразить вам свою благодарность за такое внимание... Прошу: мы как раз садимся за чай—не ваш американский чай в пять часов, а наш русский чай!..

Негр- поэт поклонился, опять открыв улыбкой коричневых губ великолепные зубы, и прошел с хозяином в столовую. Там его представили хозяйке, к сожалению не го-горившей по английски, и он крепко встряхнул своей темно кофейной рукой с лиловой, как у обезьяны, ладонью маленькую ручку женщины.

Когда сели за стол и хозяйка налила стаканы, в столовую вошли нянька с дочерью хозяев, шестилетней Наточкой.

Нянька уже давно перестала быть нянькой и еще до революции считалась членом семьи, вместе обедала, пила чай, вела все хозяйство. Теперь, когда других прислуг не было, она справлялась одна, развивая в кухне энергию, равную мощности трехтрубного крейсера.

Теперь она ни за что не хотела выходить к столу, но Наточка чуть не заплакала и отказалась выйти одна. «Аспид» по определению няньки, любезно заулыбался им, когда они вышли, засверкал зубами, белками глаз, воротничком; нянька едва отвесив старинный русский поклон ему, бессильно опустилась на стул, а Наточка попыталась сделать реверанс, спуталась и хлопнулась рядом с нянькой с таким видом, что все равно, теперь конец!..

— Почтенная миссис не ожидала моего появления.—говорил гость, а хозяин тут же переводил его слова,—я видел, она несколько изумлена! — он засмеялся, как будто эта мысль доставляла ему огромное удовольствие, а нянька приняла трясущимися руками чашку от хозяйки и зашептала одним губами:

— Аспид, истинное слово аспид! Ужели-ж он православной веры?!..

Во все время, пока сидели за столом, она не могла притти в себя от первого впечатления в передней, холод в животе, все не проходил, а в середине у сердца. что то тряслось мелкой дрожью. Наточка, зарожненная ею, таращила глаза, не могла есть, и, чуть склонившись к няньке, спрашивала едва слышным шопотом:

— Нянечка, а нянечка? А руки у него мытые?

— А Бог его знает, деточка! — также шопотом отвечала нянька.

— Няня, не говорите глупостей,—останавливала мать Наточку,—и ты тоже... Шептаться неприлично за столом! Конечно мытые,—добавила она, вспомнив вопрос дочери,—и он такой же человек, как твой папа... Он даже пишет стихи на своем языке!

— Аспид, прости господи мои прегрешения, аспид и василиск!..—твердила свое нянька, с безмерным мужеством досиживая время чая. А Наточку интересовали больше всего руки: они были темные—коричневые, ладони лиловые, а ногти мертвенно синие, хотя и тщательно обрезанные... Должно быть они были и чистые, но попробуй, рассмотри!..

Эти руки двигались быстро и уверенно, и были необычайно выразительны, так что по одним движениям их темных пальцев можно было почти понять, о чем рассказывал их обладатель. Он рассказывал—и должно быть смешно, потому что папа все время смеялся и сам он смеялся—о том, как он нашел их квартиру, как объяснялся с трамвайным кондуктором, коверкая название улицы, потом с милиционером на углу, показывая ему пальцами номер дома. Прежде чем папа перевел—Ната почти все поняла, но навеванный нянькой страх от этого не уменьшился. И когда рука с лиловой ладонью протягивалась за сахаринком к вазе, стоявшей посреди стола между Натой и «Аспидом» она вздрагивала.

А нянька, окончательно подавленная, бормотала:

— И лезет грязной лапой своей еще... Вот уж именно черного кобеля не отмоешь до бела!..

Чай, наконец, кончился; гость с хозяевами ушли в кабинет, а нянька, убрав самовар и чайную посуду. (Стакан, из которого пил гость, она особенно тщательно вымыла и несколько раз смотрела его на свет)—пошла укладывать Наточку. Она так ослабела от первоначального испуга, что легла сама вместе с девочкой. Но заснули они обе не скоро. Из кабинета далеким гулом доносился раскатистый голос «Аспида»: это он читал хозяину свои стихи. Время от времени слышался его здоровый, жизнерадостный хохот. Тогда нянька вскидывалась, крестилась в темный угол и шептала:

— Да разразит Господь... Сгинь, пропади, нечистая сила!.. Свят, свят, свят, яко тает воск!..

И Наточка, старалась как можно точнее копировать няньку, крестилась также, и шептала:

— Яко воск разрази... Свята нечистая сила!.. Сгинь, сгинь, сгинь!..

Ночью они обе видели страшные сны, черная рука с синей ладонью и мертвыми ногтями тянулась, они вскрикивали, просыпались, будя одна другую, крестились и кончили тем, что Наточка перебралась в няничкину постель, прижалась к ее рыхлому знакомому телу—и няньке от этого стало легче. Она обнимала ребенка руками и шептала темные, старческие мысли:

— За грехи мои наказала меня мать божия... Это за то, что я давеча на Наточку рассердилась и побранила ее, а она была не виновата, я, старая дура, уставши от плиты, сердце сорвать хотела!.. Ну, только Аспид, суший Аспид, и человеческого облика в нем нет, тьфу, тьфу, тьфу!..

В теплый, уже совсем почти летний день, когда трамвайные стекла оверкали ослепительным

солнцем, мостовая трещала под бесконечными обозами ломовиков, а семиэтажные дома дрожали, звеня окнами, от проезжавших грузовиков, нянька возвратилась с рынка. Руки оттянула кошелка с яйцами. («Теперешнее время ведь самое дешевое для яиц и яйца как на подбор свежие»), корзинка с завернутым в бумагу маслом, большим куском вырезки и телячьей печенкой («для паштета, Наточка очень любит, а печенка чистое загляденье!»)... Она уже хотела сесть в трамвай, но второй номер ушел, подошел тринадцатый, переполненный до ступеней площадки... Надо было подождать третьего или опять второго и она уже опустила было осторожно кошелку на тротуар, как вдруг из толпы ожидающих глянуло страшное черное лицо, сверкнули ослепительные зубы и—как во сне—коричневая рука с мертвенно-синими ногтями и лиловой ладонью, потянулась шевеля живыми, цепкими пальцами—как няньке показалось—

— ... Ут... уэл... бай... исс!!.. — услышала она знакомый, рокошущий голос—и в животе у нее опять похолодело, руки обмякли и кошелка с яйцами, корзина с маслом и мясом полетели на землю.

В следующий момент нянька дико вскрикнула:—«Аспид!»— и подчиняясь тупому, животному ужасу понеслась вдоль улицы. Публика шарахнулась от нее в сторону, а американец-поэт остановился и изумленно оглянулся. Потом взгляд его упал на желто-белое пятно разбитых яиц, растекавшееся из кошелки, на развернувшееся масло, выпавшее из корзинки, мясо, печенку... Секунду он соображал, потом быстро подхватил масло, мясо и печенку, решив, что яиц уже не спасти—и направился за мелькавшей далеко впереди нянькой.

Этот момент положил начало событию, которое до сих пор живет в памяти рыночных торговцев, кухарок, мальчишек - папиросников, милиционеров, владельцев магазинов по всей широкой, переполненной торговой жизнью улице... Об нем разговаривают заливаясь хохотом, озлобленно ругаясь, покачивая головами, весело и негодуя, легкомысленно и раздумчиво.

Нянька неслась впереди с неожиданной для ее лет и полноты быстротой, свистя юбками и развивающимися концами головного платка, как флагманский дредноут позывными... распростерши руки она летела по тротуару, сшибая

своей грузной массой прохожих, опрокинув лоток у папиросника-инвалида, перевернув вокруг собственной оси толстого часовщика, Фарфурника, вышедшего посмотреть на свою витрину, задыхаясь, чуть не падая, она кричала диким, как вой адмиральной сирены, голосом:

— Ратуйте, православные!.. Аспид, души моей погубитель!..

За ней, но на значительном расстоянии, в кильватерной линии, — как американец, он мгновенно учел, что бежать рядом с тротуаром проходимее, чем по загруженному тротуару, далеко выбрасывая, обутые в желтые спорным спортивным бегом поспешал черный американский поэт. Он крепко прижимал к груди масло и мясо и тоже что-то кричал, ослепляя всех мгновенным блеском своих зубов, но его уже никто не понимал.

Третьим несясь, как бойкий миноносец, мальчишка с корзинкой на голове, уже по самому существу своему не могущий равнодушно видеть бегущих людей. На бегу он прыгал, свистел и верещал так пронзительно, что у прохожих, остановившихся глядя на эту эс-

кадру, звенело в ушах. Веселый, по весеннему жизнерадостный пойнтер, заинтригованный размеренно мелькающими желтыми ботинками, тявкнул два раза и понесся следом.

Почтенный часовщик - Фарфурник, не успевший опомниться от вращения вокруг собственной оси, подумал, посмотрел и крикнув что то в открытую дверь магазина, легкой трусцой пустился за всем. Инвалид махнул рукой на свой рассыпанный товар и, горя желанием получить от виновных втрое поспешно заковылял за всеми, бормоча об обиде, убытках, насмешке над убогим человеком...

И сзади всех, придерживая одной рукой шапку, а другой делая кабалистические знаки красной палкой, стараясь сохранить солидность и достоинство охранителя порядка, мелкой рысцой гнал между трамвайными рельсами милиционер...

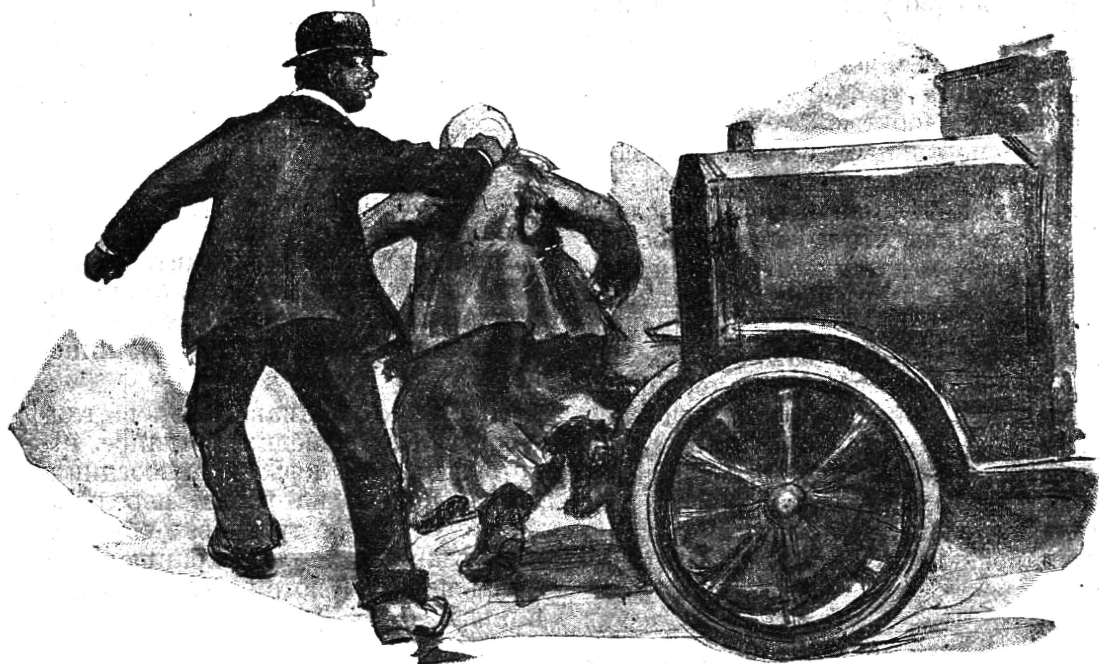
Прохожие останавливались, глядели вслед прошедшей эскадре, некоторые, не выдержав, присоединялись к ней, толпа росла, переливалась с улицы на тротуар, и обратно, а во главе всех, уже охрипшая, обливавшаяся потом улепетывала нянька.

В короткое время она: выбила из рук вышедшей из магазина дамы коробку со шляпой и мелькая голубой бумагой, коробка покатилась, как пущенный барабан, под колеса проезжавшего ломовика; сшибла с ног зазевавшуюся девочку с корзиной семечек—семечки веером покрыли мостовую, а баночка из-под помады, служившая честной мерой, со звоном разлетелась вдребезги; обрушила в грохотом человека в синей блузе без пояса, пристроивше-

«гайд», «вери уэл» — скатилась с тротуара и, уже совсем ошалелая, кинулась на середину улицы. И тут все бегущие разом ахнули, наталкиваясь один на другого, остановились, мальчишка даже перевернулся от неожиданного толчка, который дал своим ногам.

Веселый, новый, блестящий красной лакировкой, неистово звенящий трамвай чуть не подмял обезумевшую женщину. Трамвай чуть не стал на дыбы под рукой важа-

Черная рука с бешеной силой швырнула ее вперед.

гося наверху узенькой лесенки, приложенной к косяку трехаршинного окна в одно стекло; человек бесильно взмахнув руками, как падающая кошка лапами, рухнул на землю, а узенькая лесенка крепко треснула по стеклу, пустив прихотливую звезду лучеобразных трещин; человек в блузе вскочил, и, размахивая тряпкой, устремился за обидчицей, а из магазина выскочили люди и тоже понеслись ловить потери и убытки; в заключение нянька, разслушав за плечом равномерное, как работа кузнечных мехов, дыхание и знакомые «би»,

того, пассажиры в нем посыпались как выстроенные один на другом карточные домики, но нянька успела проскочить—и даже присела от ужаса. Огромный, как движущийся дом, грузовик оглушил ее неистовым ревом клянсона, железным грохотом трехсотпудового корпуса и она уже ахнула в предсмертной истоме. Но в тот же момент,—как во сне — страшная черная рука с лиловой ладонью и мертвенно-синими ногтями схватила ее за воротник, с бешеной силой швырнула вперед, так, что нянька параболой полетела за три аршина—и исчезла...

Крик, людей, вой клянсона, скрежет трамвайных тормозов, пугающим столбом взметнулся над солнечной улицей.

— Погиб, погиб! Под колесами, гляди!.. Ах, да что же это такое?!.. Черный, арап, либо негр там... В лепешку поди, эдакая машина!.. Бабу спас, а сам...—нестройно перекатывалось в толпе.

Остановился трамвай, остановился, заглушив мотор, грузовик, толпа—уже не быстрая, и напряженно настороженная сгрудилась посреди улицы. Нянька сидела, упершись в землю руками и редела—она уже поняла что случилось—и приговаривала: —дура я деревенская, темень осиновая, человечья душа из-за меня погибла, может христианская была!..

Шофер неистово ругался, потрясая кому-то кулаками — и вдруг над всем этим разнесся веселый, призывный крик:—О-э-э-э!.. Алло!..

Все бросились к грузовику — и увидели черного, сверкающего белками глаз, зубами, сорванным на сторону воротничком человека, крепко вцепившегося в мотор обеими руками, лежащего животом на радиаторе машины. —Оэ! Алло!—повторил он и быстро спрыгнул на землю, затрепав опять своими «энд», «ю», «эл», «бай»...

— О-о-о-о-ох!.. — вырвался обидный одинодушный вздох в толпе, — ах, ловок черномазый, вот ловок!..

А черномазый выглядел как ни в чем не бывало, только от темно-синего, щегольского костюма его остались лохмотья. Но это его ничуть не огорчало и когда сквозь толпу протискался бритый человек в морском пальто и фуражке моряка и заговорил с ним по английски —

«Аспид» весело стал объяснять, махая руками, шевеля живыми пальцами, улыбаясь во весь рот и тарача белки, похожие на облупленные яйца. И всем слушавшим тесным кольцом показалось, что по одним этим живым движениям коричневых пальцев они поняли о чем он так оживленно рассказывает.

Рассказав, он тотчас же сам засмеялся и крикнул:

— Оллрайт!

— Оллрайт! хором грянула толпа и тоже засмеялась одним общим мелькающим черными дырками ртом.

Потом он с помощью моряка нанял извозчика, усадил в него няньку—кто-то совал ей в руки полураздавленное колесом грузовика масло и обваленное в пыли мясо—объяснял адрес, дал извозчику какую-то бумажку, на которую тот долго смотрел в недоумении, потом махнул рукой и хлестнул по лошади, когда пролетка отъехала — он пригласил всех на тротуар и громко выкрикнул что-то.

— Пострадавшие, выходите вперед!—перевел моряк,—кто потерпел ущерб от всей этой истории?!..

В толпе заволновались, вперед синей блузе, девченка с семечками, подковылявший тем временем инвалид.

— Всем будет заплочено по действительной стоимости.—переводил моряк, смеясь,—и сверх того за... за... как это? за беспокойство!..

А «Аспид», ничуть не смущаясь своими лохмотьями, открывавшими кофейно-черное, как из потемневшей бронзы, мускулистое тело, кричал что-то и потрясал над головой веером из пестрых десяти и двадцати долларовых бумажек...

ГЛАВА I.

Странные происшествия в Юнгхау.

Петербург. 18 февраля 1923 года.

Завтра я уезжаю. По непостижимой воле судьбы сделавшись свидетелем загадочной истории в Верхне-Силезских горах в августе 1913 года — теперь, спустя девять лет, я опять готов пережить новые еще неизвестные мне события. Девять лет тому назад я дал себе клятву отыскать виновника всего случившегося в горном селении Юнгхау — и вот теперь я напал на его след. Он живет в Константинополе, его имя — Принцилл — Гама.

Я только сейчас сообразил, что неправильно начал свой рассказ. Все это потому, что я не писатель, и пишу лишь для своих друзей, так как не знаю, что случится со мной в Константинополе. Если мне будет суждено умереть от руки Принцилл-Гамы, мои друзья, найдя эти записки, продолжат начатое мною дело и раскроют тайну событий в Юнгхау. Я не нуждаюсь ни в славе, ни в одобрении, ни в преклонении перед моими выдумками, их нет в моем рассказе, и я хочу только одного — веры в мои слова.

Однако, начну по порядку.

После тяжелой нервной болезни

летом 1913 года я приехал отдыхать в Юнгхау, маленькое селение в Верхней Силезии с количеством жителей — сорок восемь человек. Большинство населения — крестьяне, обрабатывающие свои небольшие, затерянные на горных плато поля и занимающиеся лесным промыслом, затем в Юнгхау живут пастор Анстерн с сестрой, доктор Краусс с женой и старухой-бабушкой и ученый-естествоиспытатель профессор Дин со своим старым слугой. Жизнь в Юнгхау — проста, однообразна и удивительно спокойна. Крестьяне весь день проводят в горах, а вечером собираются в маленьких, бог знает когда, построенных домиках. Пастор Анстерн совершает воскресные службы в горной часовне, а в остальное время является незаменимым собеседником по всем вопросам и на любые темы для каждого жителя Юнгхау. В доме пастора — большая библиотека, богатая коллекция горных пород и раз в неделю последние газеты и журналы, которые ему привозят из ближайшего к Юнгхау города — Шрейбергау. Доктор Краусс занимается энергичной борьбой с болезнями: зубными и желудочными; этим — исчерпывается вся его практика. Естествоиспытатель Дин живет в отдельном большом доме в горах и уже третий десяток лет занимается научными работами, пишет свои многотомные труды, ко-

торые раз в год он отвозит своему издателю в Лейпциг. Он очень редко выходит из своего дома, и я видел его всего 2 раза. Я положительно наслаждался своим отдыхом в Юнгхау. Еще никогда в жизни я не имел такой тишины, такого по-

задушенным в своем саду. На этот раз кражи никакой не было, кольца и золотые часы остались на убитом нетронутыми. Прошло два дня, и страшные события быстро последовали одно за другим—в горах были убиты два крестьянина, а

Юнгхау охватила паника.

коя. Воздух в Юнгхау—бодрящий и свежий; солнце золотит облака на гребнях гор, жители селения милы и радушны, а пастор Анстерн отличается глубоким и интересным умом, приятно сочетающимся с тонким и ласковым юмором.

Странные события начались — насколько мне помнится—в середине августа. Первое из них было на мой взгляд горожанина очень незначительным, но для Юнгхау, где все знают друг друга, где каждый брат другому, это событие было очень крупным: ночью неизвестный грабитель проник в дом доктора Краусс и украл из аптечки несколько медикаментов. А через два дня случилось уже нечто более крупное—доктор был найден

ночью кто-то проник в дом пастора, перерыл все его книги, бумаги и похитил деньги из письменного стола, оставив, к глубокому недоумению пастора все ценные золотые вещи и процентные бумаги.

Юнгхау охватила паника. Рождались самые страшные, самые невероятные слухи. С наступлением темноты люди боялись выходить на улицы и в горы; впервые за все существование селения стали закрываться на замки и засовы двери, наглухо изнутри заколачиваться окна. В лунные августовские ночи жители, решавшиеся смотреть в щелки ставней на пустынные улицы, рассказывали фантастические басни о черноте зловещей высокой тени, скользившей по бе-

лым, залитым лунным светом стенам; слышали чьи-то стоны и крики. Днем все собирались на площади, обсуждали события, делали—и без всяких результатов—обходы горных ущелий, пустых домов. После третьего убийства пастор Анстерн с человеком, привезшим ему газеты, послал в город письмо с просьбой о высылке в Юнгхау отряда полиции. Вечером того дня, когда я уходил от пастора к себе, он намекнул, что ему кое-что известно, и, что с приездом полиции злодей будет пойман.

— Как—сказал я взволнованно—убийца здесь, среди нас, среди сорока пяти живых обитателей Юнгхау? Мы все же собираемся ежедневно у вас, и все так единогласно... — Все? — переспросил Анстерн—А разве вы видели последнюю неделю среди нас господина Дин и его слугу? Впрочем, я смеюсь... Завтра приезжает полиция и все раскроет... Глупо мешать ей... Я пошутил, конечно, пошутил... Прощайте, уже поздно. Идите к себе домой и хорошенько запирайте двери, а, главное не выходите на улицу, когда настанет ночь...

Дома я долго думал о словах пастора и о профессоре Дин. Нет, конечно же пастор шутил. Старик Дин, вообще, не выходит и никого не принимает, а теперь в дни паники тем более не хочет, чтобы его работе мешали слухами и фантастическими сказками. Да, и зачем, к чему ему, мирному старому ученому, ненужные и бессмысленные убийства и кража денег с оставлением золота и драгоценностей.

Но кто же? Я перебирал в памяти все сорок пять жителей Юнгхау и ни на ком не мог оставить не капли подозрения.

На утро в Юнгхау было лишь сорок четыре жителя. Пастор Анстерн был найден убитым у ворот своего дома, с револьвером в кармане. Злодей, напав сзади раздробил ему череп.

ГЛАВА II.

Обитатель Юнгхау, которого я не знал.

Когда прибывшие агенты полиции делали допрос всех жителей и я стоял на очереди перед столом агента; я заметил, что в толпе отсутствует естественный испытатель Дин, его слуга и еще двое крестьян. Понимая, что крестьяне могли несколько опоздать к допросу, я невольно—в связи с последним разговором покойного пастора—занизировал в отсутствии Дина что-то странное. Поэтому, когда агент стал спрашивать меня, что я могу показать, я рассказал все, что слышал от пастора за несколько часов до трагического конца.

— Я видел его полчаса тому назад. Он шел от Юнгхау по направлению к железнодорожной станции. Он был один, без слуги!—сказал кто-то из крестьян.

— Вы уверены, что это был он?—быстро спросил я.

— Я видел его спиной, но сразу узнал по длинным ногам, короткому широкому плащу и старомодному цилиндру...

Агент нахмурился, все стали прислушиваться к нашему разговору; я был поражен, неужели пастор был прав и злодей—мирный старый ученый.

Но я еще более был поражен, когда в комнату вбежали два крестьянина и со страхом закричали.

— Господин Дин и его слуга умирают... Мы сейчас шли мимо его дома, услышали стоны и вошли туда... Господин Дин находится в агонии...

Когда мы с агентом прибежали к Дину—он был уже мертв. На его щеке были синие следы пальцев. Он лежал в своей комнате в кровати, полуодетый. Старый слуга был на полу, с ужасной раной на голове. Рядом с ним лежал топор и отрубленный кусок человеческого уха. Кое-как нам удалось добиться от уми-

рающего нескольких бессвязных, непонятных слов: убил моего господина... утром, недавно... тот... третий... наш жилец... я услышал крик, прибежал с топором... отрубил ему ухо, он... он выхватил от меня топор... ударил... убежал... в платье профессора... он... железная дверь... в подвале... убийца... его...

Старый слуга ничего больше не мог сказать—смерть прервала его слова.

В подвале мы нашли железную дверь. Держа револьверы наготове мы вошли в комнату со стенами, обитыми железом. Она была пуста—никого в ней мы не нашли. На полу валялось много книг по истории, философии и другим наукам; в углу покрытые толстым слоем пыли были сложены школьные учебники, загадочные машины с проводами и аккумуляторами, небольшая динамо-машина, электрические моторы. У стены стояла койка, два стола, на одном были банки, реторты, колбы; листы с загадочными формулами и непонятными знаками; на другом—много бумаги, чернила... Наверху высоко находилось маленькое решетчатое окно, в которое проникали веселые солнечные лучи и врвался свежий утренний ветер. От стены к койке тянулась большая чугунная цепь.

ГЛАВА III.

Принцилл-Гама, Константинополь.

Мертвые молчат—и тайна всего случившегося в Юнгхау, тайна жилья железной комнаты, тайна смерти Дин, доктора Краусс и двух крестьян, тайна краж у доктора и у пастора, тайна исчезновения всех бумаг из стола профессора Дин, взятых убийцей вместе с верхним платьем покойного—как установило следствие—все это до сих пор осталось неразгаданным.

Полиция ничего не могла найти, формулы нельзя было расшифровать.

И вот только теперь—спустя девять лет—я снова напал на след загадочного жилья железной комнаты. Вот поэтому-то я и уезжаю в Константинополь, вот почему, не знал к чему приведет встреча с ним—я пишу эти записки для моих друзей. Конечно, ближайшее будущее покажет мне, иду ли я сейчас по верному следу или нет; конечно, может быть это совпадение—не знаю; но вот, что я прочел неделю тому назад в журнале «Вельт» под портретом человека в европейском костюме, в турецкой феске, который обратил мое внимание тем, что у него не было правого уха.

Подпись под портретом гласила: «Принцилл-Гама — первый министр Турции; первый Европейец в Турецком министерстве. Прибыл в Турцию неизвестным эмигрантом из Германии семь лет тому назад, служил в войсках Энвер-бея. Быстро выдвинулся до должности командующего, и затем занял пост Премьер-Министра. Его карьера — поистине—может быть сравнена с карьерой Бонапарта. Принцилл-Гама организывает на новых началах армию, реорганизует весь государственный строй, достиг колоссальнейших успехов, как дипломат. Популярен во всех странах — как европейско-образованный, стойкий, энергичный дипломат-полководец-политик. Награжден орденами многих Великих держав, прозван в газетах—«Турецким Бисмарком», а в самой Турции—«Стальным Пашой». По слухам, Англия предлагает ему высший пост по управлению Индией и колониями. Портрет помещается в связи с беспорядками в Стамбуле, подавленными Принцилл-Гамой с необыкновенной жестокостью».

Принцилл-Гама?..

Странные вещи случаются в жизни; мог ли я думать, приезжая «на отдых» в Юнгхау, о том, что мне придется когда-нибудь ехать в

Константинополь и отыскивать человека, жившего в железной комнате в доме профессора Дин в августе 1913 года и в 1922 сделавшегося повелителем Турции...

Принцилл-Гама!..

Завтра я уезжаю.

ГЛАВА IV.

Нерожденный.

Я вернулся из Константинополя. Мои друзья, узнавшие все, что произошло, называют меня убийцей. Я должен рассказать всю историю подробно, обстоятельно и в связной форме продолжения моих записок. Я—не убийца. Но я совершил гораздо более худшее преступление по отношению ко всему человечеству.

Я не романист, я уже об этом говорил, и потому не буду писать в

мелодраматических тонах о том, как, наведя в Германском Консульстве справки о Принцилл-Гаме и узнав, что он на морских маневрах в Дарданеллах; я проник в его виллу.

Скажу просто и коротко: глубокою ночью с браунингом в кармане—я тайно от стражи—влез в окно и после долгих блуждений по большим и многочисленным его

Нерожденный в заточении.

комнатам—попал в кабинет Принцилл-Гамы. Здесь в ящике стола я нашел в тщательно запечатанном конверте—два дневника—один покойного профессора, другой самого Принцилл-Гамы. И вот из дневника профессора Дина я узнал странную и таинственную историю убийцы в Юнгхау.

Ученый естествоиспытатель Дин, живший в Юнгхау с 1887 по 1913 г., занимался опытами искусственного оплодотворения и механического развития яйцевых клеток и создания нормального организма искусственным путем, при помощи электрических воздействий на клетку и особых химических составов—являвшихся средой, в которой развивалась в нормальный организм подвергающаяся раздражению и действию особых электро-приборов клетка. Таким образом, Дин предвосхитил опыты американца Жака Леба, опубликованные в 1921 г. и ныне известные всему миру, которыми Леба доказал, что можно девственную яйцевую клетку двинуть на верный и неуклонный путь создания нормального нового живого организма, при посредстве длительных механических покалываний булавкой. Таким путем Леба выростил 20 лягушек.

Дин же пошел дальше. По исследованиям Геккеля человеческий зародыш в своем развитии постепенно проходит стадии зародыша лягушки, рыб, птиц, четвероногих животных, обезьяны и только потом достигает стадии зародыша человека. И вот Дин—уже при помощи электро-машин развивает зародыш по пути зародыша человека. Для этого он помещал—полученный при электрическом влиянии на неоплодотворенную клетку—зародыш в особые химические составы. И, наконец, в 1892 году Дину удалось разгадать величавую сущность вопроса рождения и развития живого организма. Опыты, увенчались успехом и Дин создал первого искусственного человека—Нерожденного.

Нерожденный жил в железной комнате, изучал все науки и получил воспитание от самого Дина, научился говорить на четырех языках. Когда, достигнув семнадцатилетнего возраста, он захотел увидеть тот мир, о котором знал только из книг, и людей, из которых он знал только Дина и его слугу; тогда Дин посадил его на цепь. В своем дневнике ученый объясняет это, как необходимую меру для того, чтобы никто не узнал о Нерожденном; а с другой стороны, чтобы Нерожденный не причинил населению чего-нибудь противного человеческой морали и законам.

Последнее вызывалось тем обстоятельством, что Нерожденный по наблюдениям Дина отличался отсутствием всяких душевных проявлений, полнейшей бесстрастностью, бессердечием, жестокостью. — Таковы были свойства созданного искусственным путем человека; это был большого разума автомат, лишенный способности любить, ненавидеть, горевать, радоваться, считаться с чем-нибудь и с кем-нибудь.

Однажды Нерожденный, прикованный цепью к железной стене и проводивший время за чтением—заболел. Это вызвало кражу Дином медикаментов у доктора Краусс. Когда же Нерожденный, как больной, был освобожден от цепи, оказалось, что его болезнь—симуляция. Он, угрожал убить Дина и слугу, требовал, чтобы ему были разрешены ночные прогулки; обещал днем сидеть в доме Дина и ночью никому не попадаться на глаза. Не имея сил посадить Нерожденного обратно на цепь, Дин был принужден согласиться. Нерожденный сдержал свое обещание—всех, кто его встречал—он бесжалостно убивал, так им был убит доктор Краусс, два крестьянина и так умер пастор Анстерн, который выследил его во время ночных выходов из дома Дина.

ГЛАВА 5.

Мое преступление.

На этом дневник Дина обрывался. Уже начинало светать, когда я быстро просматривал дневник Нерожденного. Сначала шли чертежи сложных электрических машин, описание приборов, сложнейшие вычисления; химические формулы; затем шли отрывистые записи, из которых я понял следующее:

«Он говорит, что приезжает полиция, и убивать не надо. И что надо меня на цепь обратно. Я хотел ехать в другие страны, отчего украл деньги у пастора, которого потом убил, когда он вышел поджидать меня у ворот. Этот пастор, видел меня, выходящим из дома моего профессора. Его надо было убить.

Я не хотел цепи и решил бежать. Ночью убил профессора, одел его платье. Прибежал старик с топором, я потерял ухо. Выхватил топор. Конец. Я бежал в город. Хочу ехать дальше, на юг».

Дальше шли описания поездки, дорожных приключений, жизни в Турции. Я быстро перелистывал страницы. Все становилось мне ясным. Я решил уйдя также незамеченным из дома Принцилл-Гама, сообщить все в консульство.

Но вот, что я запомнил наизусть и что помню до сих пор слово-слово из записей Нерожденного.

«Я знаю способ создать подобных мне. Надо сделать в помощь себе много таких же, как я, существ. И тогда мы вместе не знающие глупых человеческих страстей, любви, горя, жалости, смеха и слез—бесполые, злые, сильные и хищные—как холодные стальные машины — победим мир. Мы пройдем через все страны, неся с собой свою бездушную механическую волю. Нам не

надо счастья, не надо наслаждений.—Ничего не надо. Надо, чтобы развивалась наша энергия, и чтобы мы стали выше всех, ибо мы новые усовершенствованные люди. Я уже начал свои работы, и скоро я создам себе подобных новых бесстрастных»...

За моей спиной шум. Я оглянулся—сзади с холодным ненавидящим взглядом стоял высокий бледный человек в феске—Принцилл-Гама. В коридоре — слышались шаги. Я хотел схватить дневник и броситься в окно — но Принцилл-Гама кинулся ко мне, в дверях показались военные.

Я вспомнил про браунинг — выстрелил.

Из газет все знают, как торжественно похоронили Принцилл-Гаму, и о том, что преступнику удалось скрыться бегством, но заподозренных в соучастии Турецкое правительство расстреляло.

Я пишу это своим друзьям. Я не считаю себя убийцей, ибо я стрелял не в человека, а в смертоносный автомат. Если бы, однако, кто-нибудь из моих друзей стал рассматривать Нерожденного, как человека,—то пусть, в таком случае—мой выстрел будет карающей рукой Немезиды за преступления в Юнгхау.

Мое преступление — в другом, гораздо более ужасном. Я виноват в том, что при бегстве не мог захватить дневника Дина и Нерожденного. В них—величайшая тайна мира, величайшее открытие; и меня сейчас волнует только одно—где дневник? У кого они в настоящее время, почему их не опубликуют, к кому они попали и что с ними собираются делать?

Все это важно, страшно важно знать, потому что в дневниках все формулы, все чертежи, потому что в них разгадка главной тайны природы. А может быть я не убил

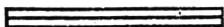

Сзади стоял Принцилл Гама

Принцилл-Гаму? Может быть похоронен другой? Ведь дневники у Принцилл-Гамы. И работу он продолжает.

Может быть, меня настигнут те,

кто—«холодные, бесполые, сильные, злые и хищные — как бесстрастные стальные машины — победят мир»—я не знаю. Я ничего больше теперь не знаю.

Страшный Груз

Рассказ Т. Робертс.

Ребята из Форэндафт-Коу никогда не слыли за неустрашимых пенителей моря. Наоборот, они известные домоседы. Бедность и опасности, которыми кишит бурное море, яростно бьющееся о берега их родных утесов, удерживают их от намеренья пускаться в прибыльные, но рискованные дальние плаванья.

Насколько хватает памяти у стариков, Джерри Чокер был первым и единственным из маленького поселка, рискнувшим предпринять далекое путешествие. И не дух искателя приключений звал его вдаль; не новые широкие горизонты привлекали его.

Нет, не то; совсем не то.

Мужчины и юноши из Форэндафт-Коу в своих маленьких баркасах занимались рыбной ловлей во внешней бухте не уходя очень далеко от дома.

Неуловимые подводные течения, внезапно налетавшие бури делали их занятие весьма опасным; и прибыль была не велика и часто даже хороший улов не мог окупить потерь причиненных коварной погодой.

Сколько растерзанных баркасов, сколько загубленных жизней!..

В ранние зимние месяцы они охотились за карибу в обширных пустых равнинах, лежавших за их поселком; иногда охота бывала удачна, но чаще кончалась неуспехом.

А весной десять—двенадцать из чис-

ла наиболее храбрых отправлялись на юг в Харбор-Грэс, где нанимались на корабли к одному из шкиперов: к старому или молодому Бартту, к Биллю-Пик или одному из других славных охотников за котиками.

Охота за котиками трудный промысел; не всегда даже набив полный трюм товару можно было рассчитывать получить небольшую сумму. Но молодцы из Форэндафт-Коу привыкли зарабатывать деньги тяжелым трудом и не мыслили, что можно приобретать без таких трудностей и опасностей свои скромные средства к существованию.

Джерри Чокер свершил свое первое путешествие в Харбор-Грэс и свою первую и последнюю охоту на льду за котиками, будучи восемнадцатилетним парнем. Как и все крепкие и сильные юноши из прибрежных поселков он еще в детстве научился перепрыгивать со льдины на льдину ранней весной, когда лед начинает подтаивать, ломаться и шевелиться, шурша и крихтя. Он умел перепрыгивать со льдины на льдину, быстро пробегать через ряд колышащихся мелких кусков, касаться легко опасных льдин, точно уменьшаясь в весе; даже несколько раз глушил отдельных тюленей и котиков толстой колотушкой, когда глухие, беззащитные животные попадались в тех краях,— и ловко снимать шкуру при помощи своего неизменного ножа..

Все десять человек, пришедших из Форэндафт-Коу подписали контракты с капиталом Пик со старого «Вальруса». Это была большая удача для десяти молодых, пришедших с севера, потому что за капиталом Пик установилась прочная репутация отличного охотника за котиками и прошло много лет уже с тех пор как старый «Вальрус» вернулся из льдов с пустым трюмом. А чем туже набит трюм корабля тем больше доля прибылей для каждого из его команды.

В этот год из Харбор-Грэс четыре корабля отправились бить котиков. Все четыре судна всю ночь простояли на якорях в большой бухте, носами в открытое море, пагоняя пары, собрав всех матросов и ловцов на борту.

В шесть часов утра, по пушечному выстрелу, они разом вздрогнули и тронулись, точно лошади на бегах. Да, это было состязание... Они выходили из большой бухты на север, чтобы попытаться счастья в коварных льдах: удача сулила золото, неудача смерть.

Когда маленький флот легко обогнул северную оконечность бухты Консепсион и повернул на северозапад, «Вальрус» легко выскочил вперед и оказался во главе флота.

Дул умеренный западный ветер, ярко светило солнце, воздух был прозрачен и легкий холодок пощипывал щеки.

Сто сорок человек бывших на борту «Вальруса» были в хорошем настроении. Капитан Пик был великий шкипер, а старый «Вальрус» славный корабль.

И каждый из этих ста сорока человек так же прекрасно знал, что может рассчитывать на большую долю в прибыли, как и то, что эти деньги были ему совершенно необходимы.

Пели песни. Рассказывались захватывающе-интересные предания о битке набитых трюмах, о сказочных прибылях и невероятных долях для каждого матроса.

Разве не этот же самый капитан Пик, который вел их теперь, встретил однажды пловучий гренландский лед и на нем мирнады котиков. Разве не он был и грузил их два дня и две ночи?

Он самый.

От мыса Фрильс «Вальрус» повернул

прямо к мысу Боулд, самой северной точке Ньюфаундленда. Белое сияние пловучих льдов уже мерцало на востоке, когда опускались сумерки, но капитан Пик твердо держался своего курса.

Это был настоящий лед, гренландский лед, но на нем плыли лишь небольшие группы котиков.

—Я чую их по запаху,— говорил он своему помощнику с бакенбардами.— как чуял их мой отец и как учил его чуять дед.

Другие корабли отстали. Лишь две тонких струйки дыма стлались далеко на востоке и одна сзади, но тоже далеко.

Джерри Чокер был большой, неуклюжий, невежественный, но понятливый парень. От своих собратьев он отличался только одним: своей восприимчивостью. Его живой ум старался постигнуть и разгадать не только те загадки, на которые его наталкивало чувство голода, холода или физической опасности. Он старался осмыслить что происходит под килем корабля, там в морских глубинах. Часто сознание безпредельности неба и моря нарождало в его уме любознательность и тьму вопросов, которых он не мог ни выразить ни понять как следует, но чаще всего это вызывало в нем смутную тревогу. Он знал что такое страх, но это не был страх. Он узнал горе, когда умирала его мать, но его чувство не было чувством горя. Дико было ему видеть вокруг себя людей которые курили и безмятежно болтали перед лицом этих пустых бездн, этой безпретной безконечности; веселых пока у них сытое брюхо, храбрых и хвастливых, до встречи с настоящей смертельной опасностью. Но когда Джерри пытался выразить свои чувства, ему казалось что его ум заключен в узкий круг, где становится слабым, беспомощным, бессильным выразить эти удручающие Джерри открытия. Он не мог думать, мыслить... Он мог только чувствовать при помощи мозга.

Но неутешительные впечатления Джерри от окружающей его обстановки не овладевали всецело его вниманием. Вовсе нет более глубокое чувство, чем это периодически-приходящее, безымянное, невыразимое отчаяние,—было восторженное преклонение перед та-

питаном. Это было обожание смешанное с некоторой боязнью; так дикарь смотрит на своего бога грома и молнии.

Но ни разу он с капитаном не обменялся ни словом; он вскидывал вверх глаза и подолгу с удивлением и востор-

Он был всемогущ, капитан Пик.

гом смотрел на капитанский мостик, где стояли эти высшие существа, ведущие корабль. И высшим и величайшим среди них был шкипер Пик.

Ум Джерри порою пытался постигнуть величие шкипера как мы, иногда, с разинутым ртом, останавливается перед необъятностью звездного неба. Моущество и величие капитана подавляло его совершенно.

Он создавал, что высокий крепкий человек с песочного цвета усами и голубыми глазами держал в своих руках управление большим кораблем и жизнь всей его команды. И капитан великий и непостижимый стоял наверху вдаль от команды и ловцов котиков с несколькими приближенными

и торжественно-сосредоточенно созерцал небо и море, и сообщался с командой только через помощников.

Он был всемогущ, капитан Пик: легкий кивок головою и скрипели рулевые цепи и нос корабля послушно поворачивал в нужную сторону. Кивком головы он управлял тысячами тонн дерева, стали и человеческих тел, уверенно ведя корабль через зеленые волны океана.

Это чудо поражало наивного Джерри: он ничего не знал о том, что капитанский мостик соединен телеграфом с машинным отделением. Ему казалось что чуткий старый корабль читает мысли капитана.

Билль Пик был умный промышленник и уверенный в себе мореход. Он знал куда шел и зачем. В пятидесяти милях от северного пролива и сотне миль от берега в полдень прекрасного безветренного дня он направил старый «Вальрус» к ледяному полю, сплошь усеянному путешествующими котиками. Легко обогнув Большую льдину он подошел к полю так, что ловцы могли охватить котиков с двух сторон и гнать их в глубь необозримого ледяного пространства.

Ловцы быстро и ловко прыгали на лед, вооруженные острыми ножами, веревками и смертоносными деревянными колотушками.

Котики были двух сортов: «харп» и «худ» и отличались лишь оттенком окраски. Их убивают, снимают пушистые дорогие шкуры, а кровавые скелеты и мясо становится добычей сперва морских птиц, а потом хищных рыб:

Лед уже подтаял, потрескался во многих местах и мерно колыбался на волнах с легким скрипом и шуршанием.

В несколько минут шкуры первых котиков были сняты и снесены на корабль; но ловцы ушедшие дальше, убивали, снимали шкуры и шли дальше в самую гущу стада, оставляя шкуры, чтобы подобрать их на обратном пути.

Шкуры отмечались маленькими флажками как собственность «Вальруса» на случай если бы случайно приставший другой корабль захотел при-

нять участие в избивании несчастных котиков.

Стон стоял над ледяным полем. Глупые животные сбивались в кучи и не мысли о сопротивлении или бегстве, покорно с жалобным стоном подставляли головы с большими испуганными глазами под колотушки ловцов.

Джерри Чокер работал вместе с тремя другими уроженцами Форэндафт-Коу. Они били колотушками и вспарывали животы и неудержимо стремились все дальше к новым кучам котиков, оставляя за собою кровавое поле полное смерти и ужаса.

Чем тяжелее нагружен трюм, тем больше награда каждого участника. И чем скорее груз будет вывезен за границу и корабль вернется в родной порт, тем скорее забренчат полновесные монеты в карманах экипажа.

С запада потянул легкий ветер. Капитан Пик на своем высоком мостике мгновенно почувствовал его и пристально осмотрел лед и далекий горизонт. Легкий ветер засвистел сильнее, стал все больше и больше крепчать, гоня под ледяные поля ясное холодное течение с северо-запада. Небо внезапно потеряло ярко-лазурную окраску, солнечный свет потускнел и перестал золотить поверхность моря.

Капитан посмотрел на груды шкур, уже снесенных за борт, на стонущий

лед, на далекие движущиеся точки: это были ловцы, забравшиеся далеко вглубь поля...

Он был не глупый человек, но в его душе жадность отлично ужилась рядом с храбростью.

Он посмотрел на юг, потом на восток.

— Ни одного корабля в виду, — сказал он.

— Все это наше. Завтра будет дождливая погода. Но мы во всяком случае успеем нагрузиться до верха и уйти во время. Дождь нас не застанет здесь.

— Лед быстро ломается сэр, — ответил второй помощник.

— О, я это вижу не хуже вас, мистер Келли, — отозвался капитан, — но все таки мы вернемся домой набив трюм до отказа! Мы им покажем как работает старый «Вальрус».

— Темнеет, сэр, быстро темнеет, собирается буря, — пробормотал Келли, устремив прищуренные глаза на север.

Капитан шутливо хлопнул его по плечу.

— Бросьте, это Келли! Уж не хотите ли вы меня учить знакомству с проказами ветра и капризами погоды? Ну, да, будет буря. Это так же верно, как то, что бог сотворил лед и посадил на него котиков для таких смель-

Он вскидывал вверх глаза и подолгу смотрел на капитанский мостик.

чаков как мы. Но, клянусь мы нагрозимся до верху и уйдем прежде, чем разразится буря.

Поворот ветра к северу и едва заметное затемнение неба не ускользнуло от внимания наиболее опытных ловцов, занятых избиванием на качающихся льдинах.

Черный Ник Гокер быстро метнул взгляд на север, точно кто его позвал, не отрываясь от шкуры котика. Он понял сигналы природы. Каждую весну вот уже двадцать лет он ходил на котиков по весеннему льду. Он кончил обдирать шкуру и встал, держа в руках дымящийся кровью мех. Потом обернулся и вопросительно посмотрел на еле заметный вдаль корабль.

— Буря идет с севера,—пробормотал он,—и скоро придет сюда. Весь лед разлетится под напором ветра. Я видел такую штуку пятнадцать лет назад и три года тому назад. Это была буря!.. Да.

Его трое спутников бросили на минуту работу, озабоченно посмотрели на небо и подошли к нему.

— Это скверное дело, — сказал Джерри Чокер, слегка вздрогнув,—похоже на то, что в таком случае не всем удастся выбраться живыми отсюда.

— Но шкипер не выкидывает флага, чтобы собрать нас на корабль,—сказал Кон-Строуд.

— Какое дело шкиперу до нас? — печально сказал черный Ник Гокер. — Все они такие. Когда котики расположились на льду, так что в глазах рябит, шкипер закрывает глаза от удовольствия и не нюхает ветер. Как же иначе? Он сидит себе в теплой каюте и ему то не грозит опасность замерзнуть на льду. Я предлагаю ребятам, итти обратно на «Вальрус», не дожидаясь пока шкипер благоволит считать опасность и выкинуть флаг. И если вы не дураки, то отправитесь со мною, не теряя ни минуты.

Четверо ловцов бросили котиков и зашагали обратно к кораблю. Сперва они не спешили и шагали, с озабоченным видом. Они не хотели обратить на себя внимание оставшихся на корабле, потому что ведь и Черный Ник мог ошибиться. Буря могла раз-

разиться значительно позже и их отступление опозорило бы Форэндафт-Коу. Шкипер лучше знал свое дело, чем они и не вывешивал сигнала, предвидя, что до бури они еще успеют набить целые горы котиков.

Бледно стальная окраска северного неба сгущалась и постепенно переходило в землисто-коричневые тона, затем небо стало аспидно-серое.

Ветер дул все яростнее.

Ник ускорил шаг; Джерри и двое других не отставали от него. Джерри оглянулся на ходу: другие группы ловцов тоже бросили охоту и спешили с разных сторон к кораблю. Многие из них еле были видны: их от корабля отделяли целые мили колеблющихся льдин. Еле заметными точками бежали они к кораблю.

Вдруг на мачте появился сигнал сбора.

Спасенье теперь зависело от быстроты ног.

Сумрачное небо быстро темнело и ветер свистел как гигантские крылья невидимых титанов.

Джерри взглянул на север, небо было черно как ночь от края до края.

Раздался раскат грома, потряс все сердца и с грохотом прокатился по темной равнине льдов. Кряканье ломающегося льда, скрежет льдин друг об друга составляли дикую прелюдию для грядущей бури... Ветер тысячею иглою бил в лицо.

Джерри и его товарищи закрыли лица руками и побежали. Ветер хлестал их по сгорбленным спинам и проникал за воротник, обжигая точно раскаленным железом. Льдины качались и двигались под ногами, создавая призрачную опору для бегущих. Они задыхались, падали, ползли на коленях, цепляясь ногами за лед, по бешенно, неудержимо стремились вперед. Лед кряхтел, ломался, открывая внезапно щели, сквозь которые как дым струилось ледяное дыхание освобожденных волн.

Мгла все сгущалась. Взвижгиванья яростного ветра резали ухо и как молотом били по больным от ужаса нервам, по по истощенному мысленно «вперед», — мозгу. Жестокый холод мгновенно

Джерри и его товарищи побежали.

венно обращал в снежинки дыхание вырывавшееся изо рта. Люди карабкались по пляшущим льдинам с мольбою на устах и с ужасом в сердце. Свисток сирены с корабля слабо доносился порою среди воя и скрежета разыгравшихся стихий. Снег, жесткий и колючий как песок внезапно посыпался сверху, крутясь и засыпая несчастных беглецов. Веревки, ножи, свертки с провизией—все было брошено. Люди бежали, скользя и задыхаясь. И в этом безумном беге наградой была жизнь, а слабым и оставшим смерть.

Капитан Пик стоял на своем мостике, ведя свой корабль среди скрежещущих льдин. Сзади надрывалась парходная сирена. Все борты корабля были увешаны красными фонарями.

Ветер яростно бил его в лицо, сухой колючий снег слепил его глаза. Он уцепился за перила мостика и вел свой корабль все вперед на помощь десяткам людей, разбросанным по льдинам, стараясь спасти те самые жизни, которыми он только что так беспечно играл и... проиграл.

Десять человек вернулись на борт при первых порывах урагана. Шесть

человек было подобрано прежде чем снег явился на помощь ветру. Потом нашли и подобрали окоченевших ребят из Форэндафт-Коу.

И больше—никого.

Мрак все увеличивался и буря все крепчала. Ветер выл уже не порывами, а перешел в постоянный зловеющий гул. Огромные льдины взбирались друг на друга, срывались, вертелись и тяжкими ударами штурмовали борта старого судна.

Человек и судно, знание и дело рук человеческих, бились с яростными стихиями злобного севера, желавшими разбить, размолотить, уничтожить эту жалкую посудину, осмелившуюся задержаться на пути торжественного шествия страшной северной бури.

Человек и судно были побеждены в этой жестокой схватке. Капитана замертво сняли с мостика, снесли в каюту и оживили при помощи бранди. Первый помощник и Келли встали на мостик.

Корабль не выдержал боя и медленно, медленно отступал, лавируя, медленно, неохотно удаляясь от льдин, где оставались люди и драгоценная добыча.

К полуночи ветер ослабел и снег перестал сыпаться. Но холод не уменьшился.

Капитан Пик опять вышел на свой пост. Старый корабль тихо приблизился к месту своего поражения. Капитан еще питал безумную надежду, что оставшиеся на льду сумели развести костры из своих колотушек, чтобы спастись от замерзания. Но и эта надежда была тщетной: льдина за льдиной неслась мимо, но ни на одной не светился красный огонек костра, ни на одной не было людей!

Только при свете бледного северного утра старый потрепанный, «Вальрус» начал подбирать своих людей. Людей... Я говорю людей, хотя не всегда в этих окоченелых трупах и глыбах можно было увидеть людей.

Некоторые лежали прямо, другие скорчившись. И все звенели как ледяные сосульки...

Их молча втаскивали на борт.

Корабль повернул к югу, к дому, закончив свое плавание в этом году.

Да, он шел домой, и, как хотел его капитан, трюм «Вальруса» был битком—набит грузом...

Но это был страшный груз:—восемьдесят два трупа замерзших ловцов стучались и звенели, как стеклянные, в обширных трюмах «Вальруса».

Да, не всякий капитан возвращался в родной порт с таким грузом...

Если мозг юного Джерри Чокера не мог мыслить, то он мог воспринимать непосредственные впечатления. Да, этот мозг удивительно хорошо запечатлевал страшные картины северной бури.

Храбрый, с сильными нервами, Джерри струсил перед ужасами урагана. Ужасные сцены катастрофы во время его первой охоты на льду крепко засели в его мозгу и мерещились ему днем и ночью. А обратный путь с грузом окоченелых трупов вселил в его сердце черный мертвящий ужас. Наверху одной из куч мерзлого человеческого мяса лежал Красный Мик Скэплон из Форандафт-Коу, лежал лицом вверх, с открытыми глазами и разинутым ртом, точно умирая он пытался

послать неистовые проклятия тому, кто погубил несчастных ловцов из-за жадности.

Джерри только раз видел его, но до самой смерти образ проклинаящего мертвеца остался в его сердце.

Лишь раз за все плавание из льдов до—Харбор Грэс Джерри удалось увидеть великого капитана. Много раз он взглядывал на мостик, но там всегда был только кто-нибудь из помощников капитана.

Лишь когда корабль входил в порт на капитанском мостике опять показался шкипер Пик. Выражение его лица не показывало, что у него делается в душе, но в голубых глазах, как всегда ясных и бесстрашных, осталась какая то странная непривычная дымка...

Джерри Чокер в ужасе бежал с этого корабля смерти в унылые городские улицы. У него не было денег, он не явился получать свою долю, но добрые горожане приняли его.

Но стакан крепкого рома не успокоил Джерри. Наоборот, с еще большею нелепостью и отчетливостью всплыли в мозгу страшные картины той ночи. А тихий перезвон городских колоколов, точно плачущих о погибших, усугублял ужас Джерри.

А они все звонили и звонили. Ни одна самая глухая таверна ни один подвал не могли защитить Джерри от этого ужасного ледяющего душу перезвона.

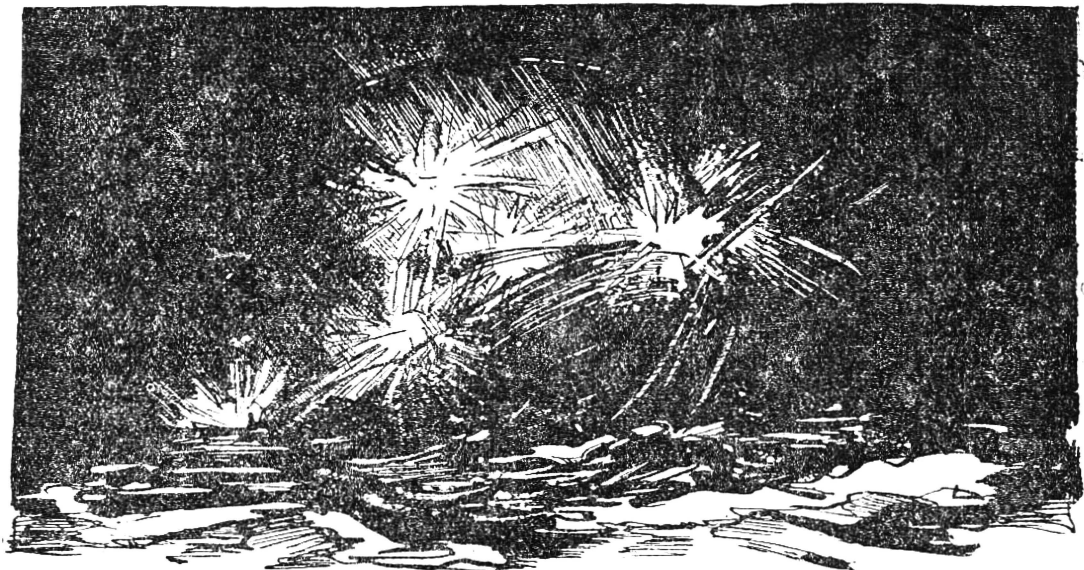
Один капитан, отправлявшийся в Бразилию, встретился однажды, с Джерри в таверне. Он слушал, спрашивал и сумел понять, что творилось в душе парня. У капитана не хватало людей для далекого плаванья, и в ту же ночь Джерри в качестве матроса отплыл на судне в далекое путешествие.

Добравшись до каюты, он повалился и заснул долгим каменным сном... Судно уже находилось в открытом море, когда он проснулся. Шкипер понимал его состояние и велел дать ему выснаться.

И вот между Джерри и страшным севером стали ложиться мили и мили соленой воды. И тогда Джерри немного пришел в себя. Он чувствовал непреодолимый страх перед своим родным поселком, но и этот страх был ничто по сравнению с тем ужасом, что ему внушал север, весь север от Харбор Грэс до плавающих ледяных полей там далеко за проливом.

бесжалостен. Джерри прочел это в его ясных смелых глазах. И он был богат. Потеря одной охоты на льду мало значила для него, хотя полный груз драгоценных шкур мог быть оценен во много тысяч.

Капитан судна, на котором теперь плыл Джерри, был человек превосходный во всех отношениях. Он понимал, что Джерри всеми силами стре-

Все борты корабля были увешаны красными фонарями.

Что он оставил на родине, в Форэндафт-Кюу. Никого и ничего. Мать его умерла; он не был женат; у него даже не было возлюбленной. И когда он пытался просто, без ненависти вспомнить о своей родине, перед его глазами вставало воспоминание о труне замёрзшего Красного Мика Скэнлон с мертвыми глазами, зиявшими как окна с выбитыми стеклами, с зияющей щелью рта и черными потрескавшимися губами, сложившимися в ужасную гримасу гнева,—и вновь красная волна страха и отвращения заливала его сердце.

Часто вспоминал он и капитана Пика, невозмутимо стоящего на высоком мостике старого «Вальруса». Катастрофа мало повлияла на капитана, он слишком высоко стоял по сравнению с погибшими бедняками.—думал Джерри. — И он был бесстрашен и

мнитесь забыть свое ужасное приключение на льду, отправляясь из Харбор-Грэс в дальнейшее плавание. Но он не мог понять почему Джерри бледнел при одном упоминании о возможности возвращения из Бразилии обратно в Ньюфаундленд. Он считал это капризом и не мог понять сложного чувства Джерри; во всяком случае он распорядился не спускать Джерри на берег в Пернамбуку.

Получив отказ на просьбу сойти на берег, Джерри Чокер решил попросту удрать.

Путь Джерри вовсе не был усыпан розами, когда он крадучись, с тысячью предосторожностей бежал с корабля. Но сознание, что он навсегда останется на юге, гнало его вперед и он удачно скрылся. Голод и жажда томили его,

но страшный север был еще ужаснее голода и жажды.

Через шесть месяцев после своего дезертирства он получил незавидное но все же постоянное место на большой кофейной плантации за городом.

Пик весь побагровел.

Он был доволен, даже счастлив, кроме тех моментов, когда перед ним вновь и вновь вставали картины бушующего моря, ломающегося льда, воющего ветра и стук окаченевших трупов, перекатывающихся и звенящих как ледяные сосульки, в обледеневшем трюме.

Часто он просыпался ночью в холодном поту и в ушах его звучал похоронный звон унылых колоколов Харбор-Грэс.

Однажды Джерри послали в город по какому-то делу плантации.

Около харчевни он остановил своего мула и вошел внутрь, чтобы закусить.

Перед ним за столом сидели два

моряка. С первого взгляда он узнал в них моряков с северных кораблей. Один сидел к нему лицом, другой спиной. Первого он не узнал. Но второй... второй был сам великий ловец котиков—капитан Пик.

Сперва он ничего не мог разобрать из их разговора и машинально жевал свой завтрак. Но потом моряки заговорили громче и обрывки фраз, донесшиеся до Джерри, заинтересовали его.

Джерри ясно видел, что оба моряка сегодня прикладывались к чарке. Хриплые голоса, блестящие глаза...

— Какая неблагодарность! — рычал большой моряк, сидевший спиной к Джерри—я мог бы опять вести свой славный корабль, но я не хочу. Я не могу показаться туда, где каждый может засмеяться мне в лицо!

— Шесть тысяч за трехнедельный рейс! — воскликнул другой. — Да вы смеетесь надо мной!

— А, однажды, я заработал за один рейс целых девять тысяч! Э, да что вы и подобные вам знают о славных походах в ледяные поля, и о суммах, выручаемых нами!

— Ну, да, и теперь выходите на паршивой маленькой бригантине в Галифакс. Э, да просто вас с севера выгнал страх... побоялись вы...

— Побоялся! Страх! Я ничего не боюсь. Не страх, а девушка, дочь, купца из Сент-Джонса. Так себе, женщина как женщина... И вы знаете что она мне сказала? Она назвала меня убийцей! Точно плюнула в лицо! Убийца! Вот, что получает человек, когда от него вдруг отвернется счастье. Я удрал в Штаты и распырял все свои деньги в какие-нибудь шесть месяцев. И вот я здесь... Когда я слишком много выпью я позволяю себе рассказывать об этом какому-нибудь типу вроде вас... Да. Но страх? Нет, клянусь...

Его собеседник угрюмо усмехнулся.

— Вы хвастун! Я не верю ни одному вашему слову! — воскликнул он.

Пик весь побагровел и вдруг повернулся лицом к Джерри Чокеру. Его голубые глаза были влажны и затуманены, щеки пылали, рыжая борода покрывала щею и подбородок.

Мгновенно он сидел неподвижно.

— Вы!—вскричал он.—Вы слышали, что этот негодяй обозвал меня лгуном? Да, да. Он назвал меня лгуном! И теперь вы увидите как я его убью за это. Да, вы это увидите сейчас, кто бы вы не были.

Джерри поднялся.

— Стойте, сэр! — закричал он — оставьте его. Я ему могу подтвердить правдивость ваших слов. Разве я сам не совершил с вами плавание на ледяные поля за котиками, шкипер Пик?

— Вы?—вскричал большой моряк, тяжело поднимаясь с кресла и вперив в Джерри мутный, бессмысленный взгляд.—Вы? Когда?—Два года назад, когда буря застала нас во льдах и вы привели старый «Вальрус» в порт действительно, с битком набитым трюмом...набитым замерзшими людьми!

Капитан Пик замер, потом бросил отвратительное проклятие и одним прыжком выскочил из харчевни на залитую светом улицу.

Джерри не двинулся. Он сел и задумчиво смотрел на открытую дверь.

— Трус!—произнес маленький моряк. Я был прав. Он принял вас за одного из замерзших матросов, приятель. Он негодяй и он проклят там на севере. Теперь страх его убьет и даже ром не спасет его.

Джерри Чокер молча поднялся, сел на своего мула и поехал обратно через зеленеющие поля, оставляя за собою страх перед жестоким севером и поверженного в прах, обожаемого когда то героя льдов.

Юмористический рассказ Леонарда Ларкин.

Иллюстрации Шепхерда.

Мистер Бодкин удалялся от дел. Прошу заметить, что я говорю «удалялся»; я не говорю, что он был намерен удалиться или уже удалился; нет, он еще удалялся от дел. Я употребляю длительную форму вполне намеренно, потому что самый процесс удаления от дел был тоже делом весьма длительным.

В сущности, удаление от дел было совсем не хитрой штукой. Его оптовый склад на Барроу-стрит продолжал делать прекрасные обороты под руководством его младшего компаньона, все предварительные приготовления к выходу из дела были закончены и мистеру Бодкин представлялась полная возможность заняться проживанием честного нажитого капитала.

Некоторую часть капитала мистер Бодкин еще оставил в деле на несколько лет, но это делалось вовсе не потому, что мистер Бодкин желал оставить за собою право являться изредка в день в контору как назойливый призрак прошлого, и мучить своего компаньона. Дело в том, что мистер Бодкин положительно не чувствовал себя в силах сразу отойти от дела. Чарльз Лэмб прекрасно описал чувства мистера Бодкина в своем исследовании «Престарелый мужчина» еще за много лет до много-знаменательного факта рождения достопочтенного мистера Бодкина.

«Одно меня удивляет,—говорит Престарелый Мужчина—я думаю, что я вполне доволен всем, но в то же время чувствую, что это не совсем так. Я очутился в положении

заключенного в старой Бастилии, внезапно выпущенного на свободу после сорокалетнего сидения в темнице. Я не мог ощутить своего «я». Это было своего рода переходом от времени к бесконечности,—потому что человеку, предоставленному самому себе после ряда лет систематической работы время кажется бесконечным. Мне казалось, что в моем распоряжении очутилось гораздо больше времени, чем мне было необходимо».

Имея чувства в такого рода беспорядке, мистер Бодкин посещал свою контору ежедневно, как я уже упомянул. Но все же что то должно было измениться, что то нужно было делать другое, если только удаление от дел было реальным фактом. И он начал приходить позже и уходить раньше, утешая себя мыслью, что ему доставляет даже некоторое удовольствие, такое игнорирование привычных обязанностей. Он начал с каждым днем сокращать срок своего пребывания в конторе и говорить с компаньоном не иначе, как в шутиливом тоне.

Для сохранения приличий и больше по привычке он укладывал в портфель и забирал домой целую гору бумаг с добрым намерением просмотреть их после обеда.

Его компаньон сперва был встревожен этим обстоятельством, но потом увидев, что «деловые бумаги» состояли из незначительной переписки, а также каталогов и реклам, в изобилии получавшихся фирмой, улыбнулся и перестал обращать внимание на ми-

стера Бодкин, и его разбухший портфель.

Было совершенно очевидно, что с каждым днем приходя позднее и уходя раньше, мистер Бодкин неизбежно дойдет до такого момента, что подойдя к дверям конторы повернет обратно. И поэтому мистер Бодкин был чрезвычайно озабочен вопросом чем-бы наполнить свой досуг без помощи конторских каталогов.

Увлечение! Черт возьми, блестящая мысль!

Теперь перед ним стал вопрос—как и где найти увлечение, вернее предмет его. Мистер Бодкин шагнул со станции к своему весьма респектабельному подгородному домику, напряженно думая. У него никогда не было увлечения и вообще увлечение такая штука, что ее нельзя импровизировать вдруг, по приказу, в особенности, принимая во внимание преклонный возраст мистера Бодкина и его вполне сложившиеся привычки. Он никогда не увлекался... только один раз, еще ходя под стол пешком, он имел белых мышей и гвинейских свинок... и... стоп! вот и найдено увлечение.

Мистер Бодкин был ушиблен этой идеей. Это говорится не в переносном смысле, ибо он, придя в восторг, свалился на высоко-респектабельную мостовую своего высоко-респектабельного дачного поселка. Этот трагический случай, правда, закончившийся лишь штопкой треснувших брюк, вызвал усиленное и совершенно нежелательное внимание соседей, так как замечено что дачные соседи, вообще, страдают истерическим любопытством.

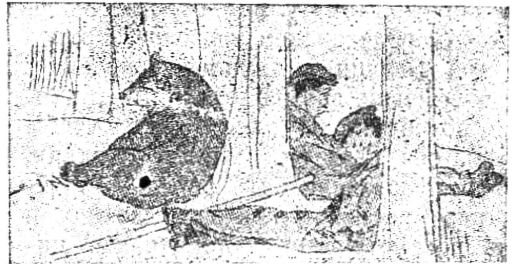
Да, это была идея!—только, конечно, не белые мыши и морские свинки,—это была ребяческая забава. совершенно не вязавшаяся с солидным возрастом мистера Бодкина.

Нет, надо брать предмет шире; естественная история—вот достойный предмет увлечения для пожилого солидного джентельмена.

Еще мальчиком, тратя свои жалкие пенни на покупку лишней мыши, и раздражаемый сомнениями, что лучше купить: лишнюю белую мышь или

горсть леденцов, он часто мечтал, что когда будет большим и состоятельным человеком, он будет покупать более крупных животных, редкие экземпляры, которые ему случалось видеть в зверинцах или в книгах.

Теперь у него было и время и доход, чтобы осуществить мечту далекого детства. Разве сам Ротшильд не завел себе прекрасный собственный зоологический сад в Тринге? Правда, мистер Бодкин не был Ротшильдом, но тем не менее у него был очень недурной сад; так что же может ему препятствовать для устройства собственного зоологического сада, конечно, в скромных размерах?

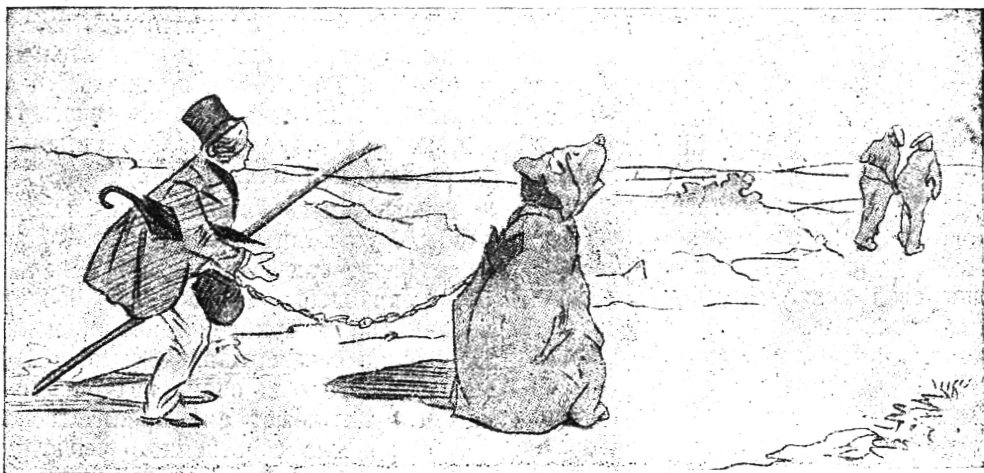

Медведь в удобной позе расположился под деревом.

И чем больше он думал об этом, тем больше убеждался, что вся его предыдущая карьера была лишь тяжелым ожиданием того великого момента, свободы и независимости, когда он сможет вернуться к мечтам своей юности, которые все время прогрессировали и ширились. Если мальчику было достаточно мышенка, то старика мог удовлетворить только тигр.

Мистер Бодкин шагнул все дальше и даже, в увлечении совершенно позабыв о миссис Бодкин и прочих прозаических вещах.

И в это время он натолкнулся на такой случай, такое удивительное совпадение обстоятельств, которые обычно решают человеческую судьбу. Мистер Бодкин стоял перед прекрасным экземпляром бурого медведя, приветливо смотревшим на него!

Мистер Бодкин остался стоять, держа в руках посох вожака.

В первую минуту вид бурого медведя в Сюрбледонском поселке привел мистера Бодкин в немалое удивление; но разве он не грезил только что о чем-либо подобном? И вместо того, чтобы бежать без оглядки, мистер Бодкин, наоборот, остановился. Медведь в удобной позе расположился под деревом и лишь рассмотрев его внимательно мистер Бодкин обнаружил истинное положение вещей. Ибо пара, несомненно, человеческих ног, облаченных в пару потасканных, но тоже, несомненно, человеческих панталон, лежала на траве, высываясь из-за того же самого дерева, а по другую сторону медведя лежала другая пара человеческих ног в поразительно схожих панталонах. Кроме того, около второй пары ног лежала длинная палка, нечто вроде посоха. Это был ученый медведь в сопровождении двух уроженцев солнечной Савойи и палка и ноги в потрепанных панталонах и сам медведь с приветливым взглядом принадлежали этим странствующим савоярам.

Мистер Бодкин стоял и созерцал медведя с большим интересом. Медведь, в свою очередь, рассматривал мистера Бодкина без видимого выражения неприязни.

И сердце мистера Бодкина преисполнилось теплого чувства любви к медведю, и, ему показалось, что это чувство нашло добрый отклик в приветливом взгляде бурого зверя. Мистер Бодкин вспомнил умиленные рассказы

о медведях и о том, что лорд Байрон однажды, привел в Кембридж медведя.

Он улыбнулся. И он готов был поклясться, что медведь улыбнулся ему в ответ.

— Вот случай, неповторимый случай начать устройство своего зоологического сада,—подумал мистер Бодкин.—Это будет прекрасное, очаровательное начало; это большое и необычное в частном порядочном доме животное сразу придаст солидность новому, молодому начинанию.

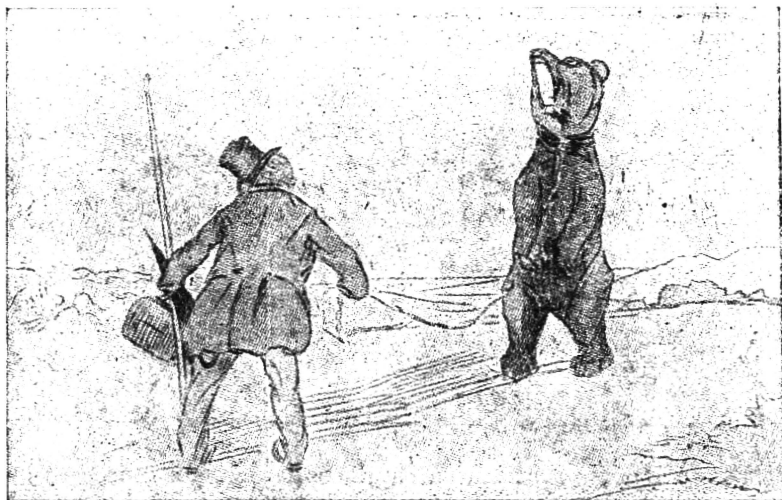
Мистер Бодкин был побежден.

Нет, совершенно невозможно представить себе более легкий и удобный случай для начала.

Привычки многолетней скромной, чуждой всякой экстравагантности конторской работы пытались поднять свой слабый голос для протеста, но ажитация, охватившая все существо мистера Бодкина заткнуло им рот властной рукою.

Желание, жгучее желание купить медведя, вот этого самого, бурого, тут же, на месте, жгло мистера Бодкина. Еще приближаясь к животному издали, он был совершенно неоступен таким мыслям; но теперь стоя перед этим славным зверем, он положительно дрожал, как в лихорадке от опасения согласятся ли савояры уступить ему медведя, точно он собирался купить крупную драгоценность.

Первое время не совсем еще проснувшиеся савояры никак не могли по-

Когда раскрылась широкая красная пасть, он прошел в ужас.

нять, что от них требует старый дженгельмен в цилиндре, с зонтиком и чемоданчиком.

Но, когда, наконец, они уразумели его намеренья, они совершенно проснулись и всем своим существом показывали, что хотя их с медведем соединяют самые нежные узы привязанности и взаимного понимания, однако, не настолько крепкие, чтобы не быть расторгнутыми при звуке презренного металла.

Конечно, пришлось поторговаться. Мистер Бодкин получил утром деньги по чеку на некоторые неотложные расходы по дому и когда цена медведя понизилась до этой суммы, сделка была заключена.

Веселые савояры не замедлили оставить Сюрбледонскую рошу, а мистер Бодкин остался стоять; держа в руках посох вожака, как символ власти, чемоданчик, зонтик и цепь, другой конец которой был прикован к ошейнику, обвивавшему шею медведя.

Мистер Бодкин стал с восхищением разглядывать кушленное бурое сокровище. Медведь смотрел на него тоже с любопытством. Медведь имел скромный и покладистый характер и рассматривал человеческие существа, с которыми ему приходилось встречаться, как полезные создания, чье единственное занятие состояло в том, чтобы кормить его лепешками и прочими

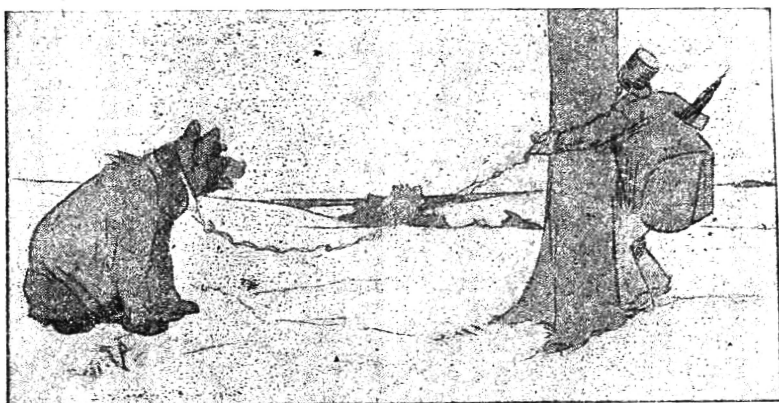
вкусными вещами. Но все же большинство людей, с которыми он был знаком, были весьма похожи на тех двух солнечных савояров, чьи спины становились все меньше и меньше, теряясь в пыли дороги.

Не имея ясного представления о совершившейся на его счет сделке, медведь возымел совершенно естественное желание последовать за своими бывшими хозяевами.

Но положение было довольно странное, непривычное для бурого медведя, хозяева удалялись совершенно равнодушные к нему, а цепь, являвшаяся до сих пор главным связующим звеном между ними, находилась в дрожащей руке другого человеческого существа, с совершенно иной внешностью и привычками.

Человек ласково, тихо подергивал цепь с совершенно ясным намерением отвлечь внимание медведя от удалявшихся фигур.

Наконец, когда фигуры солнечных иностранцев исчезли, мистер Бодкин призадумался: положение становилось затруднительным. Медведь смотрел на него значительно менее приветливо, чем прежде. Мистер Бодкин улыбался, шептал ласковые слова бурому и тихонько подергивал цепь, но в душе понимал, что несколько поспешил, так жестоко разлучив медведя с савоярами.

Мистер Бодкин держа цепь очутился за деревом и перевел дух.

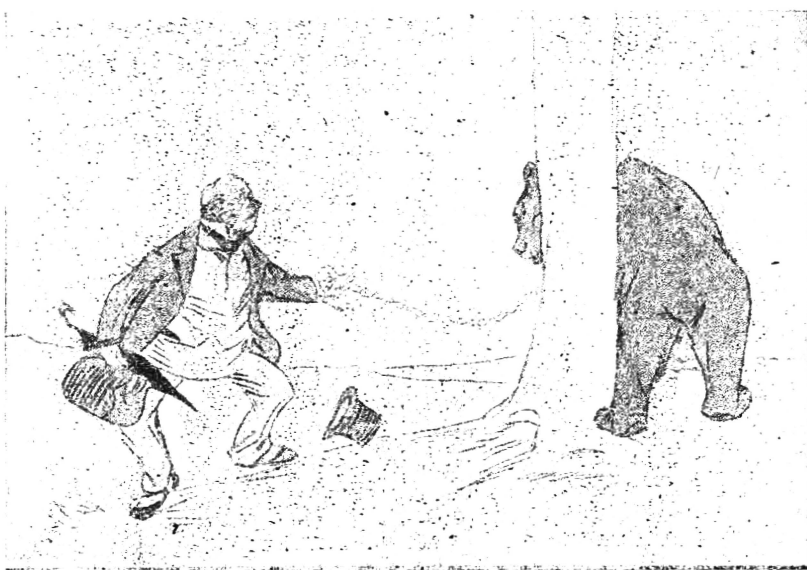
— Бедный старина! Славный мой медвежище! Ну, пойдем, пойдем домой, клик, клик!—защелкал языком мистер Бодкин.

Медведь не питавший вражды ни к одному человеку в мире, ни даже особого интереса, кроме желая зная, кто следующий сможет предложить ему, что-нибудь с'едобное, повернулся к мистеру Бодкин и посмотрел на него с нескрываемым любопытством. Внимательно осмотрев его, медведь пришел к утешительному заключению, что этот человек похож на тех, что иногда давали ему лепешки; и лучшим способом заработать лепешку было стать на зад-

ние лапы и пошире раскрыть пасть, что он и не замедлил предделать.

Мистер Бодкин боязливо наблюдал за ходом мысли своего бурого спутника; когда тот поднялся на задние лапы, мистер Бодкин испугался, а когда раскрылась широкая красная часть—пришел в ужас.

Положение ужасное! Солнечные путешественники были вне всяких пределов досягаемости и мистер Бодкин был один на один с диким зверем, раскрывшим огромную пасть, которая собиралась поглотить пожилого джентльмена из Сити.

Медведь поднялся и покорно пошел к мистеру Бодкину.

Вся история с покупкой показалась теперь мистеру Бодкину определенно идиотской штукой, и он охотно заплатил бы теперь всякому, кто сумел бы увести это опасное животное подальше, но роща была пуста. Мистер Бодкин честно сознался, что не ощущает ни гордости, ни удовольствия от сознания, что стал владельцем разъяренного, дикого медведя с грозно открытой пастью, который стоял точно ожидал, что его отчаявшийся собственник добровольно кинется в его пасть.

тах от мистера Бодкина, одно из тех деревьев в тени которых, отдыхали оборванцы. Мистер Бодкин ловким обходным движением крепко держа цепь очутился за деревом и перевел дух.

Это стратегическое движение удивило медведя не меньше, чем его поведение удивило мистера Бодкина. Широкая пасть, не получив желанной лепешки, защелкнулась, лапы опустились на землю, ухо приподнялось и вся физиономия медведя выразила недоумение и озадаченность. Это был совер-

— Поддержать его? Это не мое дело держать медведей.

Был ужасный соблазн бросить цепь; но... все может случиться... зверь разъярен... мистер Бодкин будет ответен за панику и несчастья; и потом мистер Бодкин немного успокоился, видя, что зверь не предпринимает никаких агрессивных шагов. А отпустить цепь значит нарушить последнее обаяние хозяйского авторитета, который может быть только и сдерживает дикое животное. Он читал сотни раз, что самым существенным стимулом власти человека над животным является убеждение зверя в том, что человек является существом высшего порядка.

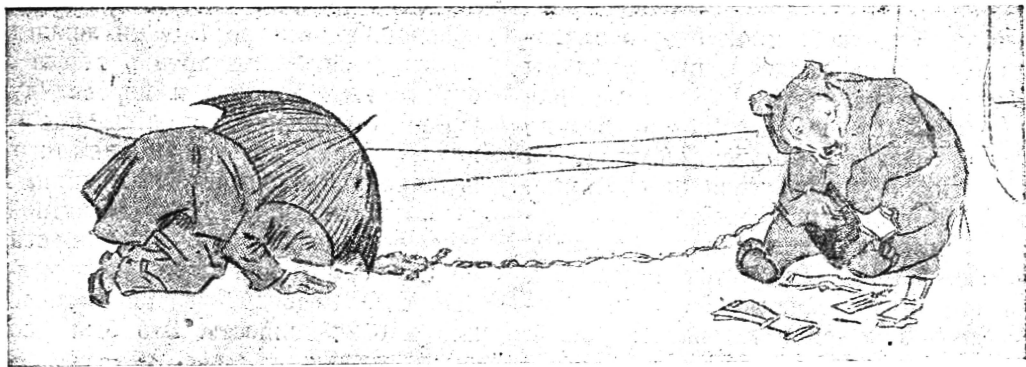
— Может быть,—думал мистер Бодкин,—мой авторитет высшего существа не пострадает от того, что я зайду за это толстое дерево, чтобы посмотреть прямо в глаза этому медведю с весьма двусмысленным поведением.

Дерево находилось в нескольких фу-

шенно новый для него тип человека; во-первых, он не дал бурому лепешки; во-вторых, он забегал за дерево и боязливо выглядывал из-за него совершенно неподобающим образом.

Медведь, в свою очередь, встревожился: за этими странными манипуляциями могли скрываться враждебные намеренья. Но ничего не было явно опасного: человек молчал; молчал и медведь. И по зрелом размышлении медведю показалось, что это новый вид игры в пятнашки, которому его учили для потехи деревенских зрителей.

Он вспомнил свое темное прошлое, когда его учили плясать, нарочно ведя по горячей мостовой. Тут во всяком случае, не было горячей мостовой; это уже было приятно. Человек стоял за деревом и подергивал цепь. Сопоставляя все эти соображения, медведь решил, что видимо, тот желает, чтобы он

Мистер Бодкин опустился на четвереньки и закрылся зонтиком.

перешел к нему по ту сторону дерева. Тогда медведь поднялся и покорно пошел к мистеру Бодкину, который маневрировал вокруг ствола, стараясь все время держаться по другую сторону дерева. Это убедило медведя в правильности предположений о намерениях человека и он с большой охотой закружился вокруг дерева. Он ходил, ходил и мистер Бодкин, все время держась на длину цепи. Так они кружились довольно долго. Наконец, медведю надоело, это явно бессмысленное занятие и он решительно сел спиной к дереву, дожидаясь немедленной и щедрой награды за блестящие успехи.

Но этот странный человек был самым скупым и черствым из всех, кого только довелось видеть бурому медведю.

Неужели, в самом деле, возможно и допустимо существование человека, который живет и гуляет, совершенно не заботясь о медвежьем угощении?

Да, повидимому, это так.

Мистер Бодкин беспомощно оглядывался, ища помощи. Бывшие владельцы медведя давно исчезли и лишь следы их ног на пыльной дороге доказывали, что эти места посещаются людьми.

Но чу! шаги... далеко, далеко.

Шаги приближаются... ближе, ближе... и вот показался человек. Это был какой-то ремесленник с инструментами в мешке за спиной и коротенькой трубкой в зубах. Мистер Бодкин окликнул его. Не будет ли он так любезен по-

держат медведя, пока мистер Бодкин догонит солнечных оборванцев.

— Поддержать его?—ответил ремесленник. — Поддержать? Ничего подобного. Это не мое дело держать медведей.

— Но я уверяю вас, что это совсем не опасно,—уверял мистер Бодкин. Он кроток как ягненок, чрезвычайно милое и умное животное.

— Не надуете,—мрачно сказал рабочий. — Не возьмусь я за это дело. Коли он такой добрый ягненок, на кой шут вам нужно догонять вожаков?

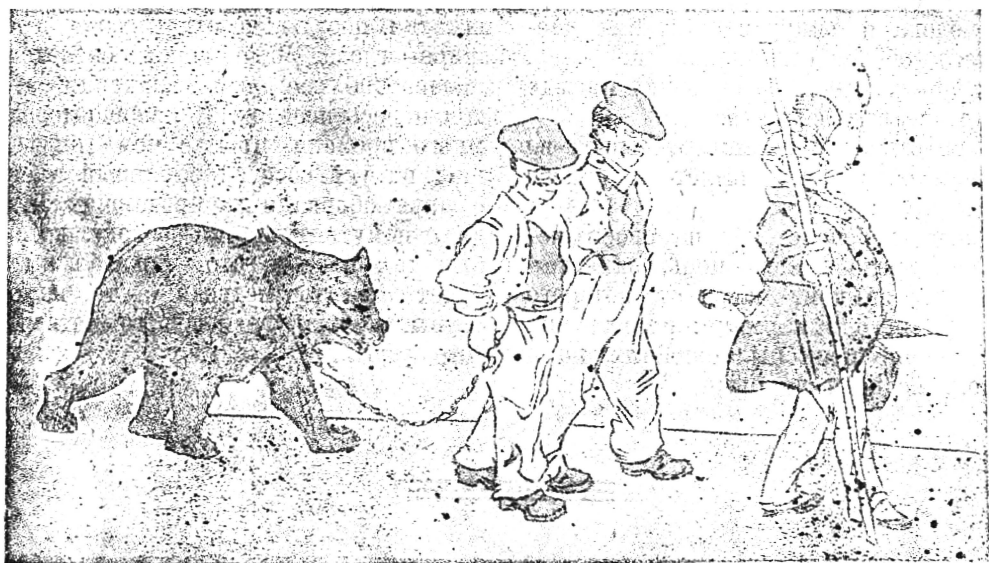
— Мне нужно с ними кое-о чем условиться; вот и все,—объяснил мистер Бодкин,—ну, ладно, если вы не хотите поддержать его, так вот вам шиллинг: догоните их, они шли все прямо. Если вы их приведете, то получите еще шиллинг. Это другой коленкор,—согласился тот, ловя монету. —Так прямо, говорите? Ладно!

И он пустился бежать по дороге.

Медведь сидел и смотрел на мистера Бодкина; мистер Бодкин стоял и смотрел на медведя.

Прошло уже много времени и мистер Бодкин начал подозревать, что его посланный был философ, для которого один шиллинг без всякого труда лучше двух шиллингов, которые надо заработать.

Медведь пристально осматривая мистера Бодкина с головы до ног, соображал, где у этого невероятного скупца могут находиться лепешки. Ничего особенно подозрительного в фигуре человека он не обнаружил, пока взгляд его не упал на чемоданчик, который

Впереди шел мистер Бодкин, в середине савояры, а сзади плелся бурый медведь.

мистер Бодкин, доставая деньги, поставил на землю. Чемоданчик казался самым подходящим местом для хранения лепешек; эта идея показалась медведю настолько блестящей, что он немедленно поднялся и направился к чемоданчику.

Медведь шел вперед, мистер Бодкин отступал, совершенно забыв про чемоданчик и думая лишь о стратегическом отступлении.

Наконец, медведь с торжеством схватил чемоданчик, сел на землю и принялся вертеть его и мять, пока тот не раскрылся и все содержимое не высыпалось на траву.

Мистер Бодкин повинувшись непреодолимому импульсу, опустился на четвереньки и закрылся зонтиком.

В таком положении его застали савояры и ремесленник, потребовавший свой второй шиллинг. Мгновенно закрылся зонтик, защелкнулся помятый, но уцелевший чемоданчик. А через несколько минут вперед двинулась торжественная процессия: впереди шел мистер Бодкин, в середине савояры, а сзади плелся бурый медведь.

Мистер Бодкин шел и усиленно думал о ближайших задачах, по отношению к медведю. Надо немедленно взять на дачу Тиббса, старого кладовщика, чтобы он ходил за медведем.

А миссис Бодкин... впрочем, с этого момента, мысли мистера Бодкина приняли другое менее восторженное настроение. В упоении новыми проектами, он совершенно забыл о жене и ее возможно (увы, даже вероятно) неблагодарном отношении к его затее. Так, что вполне понятна дрожь пробежавшая холодным ручейком у него по спине, когда процессия входила в калитку его дома и вздох облегчения, вырвавшийся из груди, при известии, что миссис Бодкин нет дома.

На заднем дворе стояло дерево и к нему то прикрутили медвежью цепь и заперли большим висячим замком. Медведь получил, наконец, свой долгожданный обед: морковь и лепешки и солнечные иностранцы ушли вторично, получив дополнительный бакшиш.

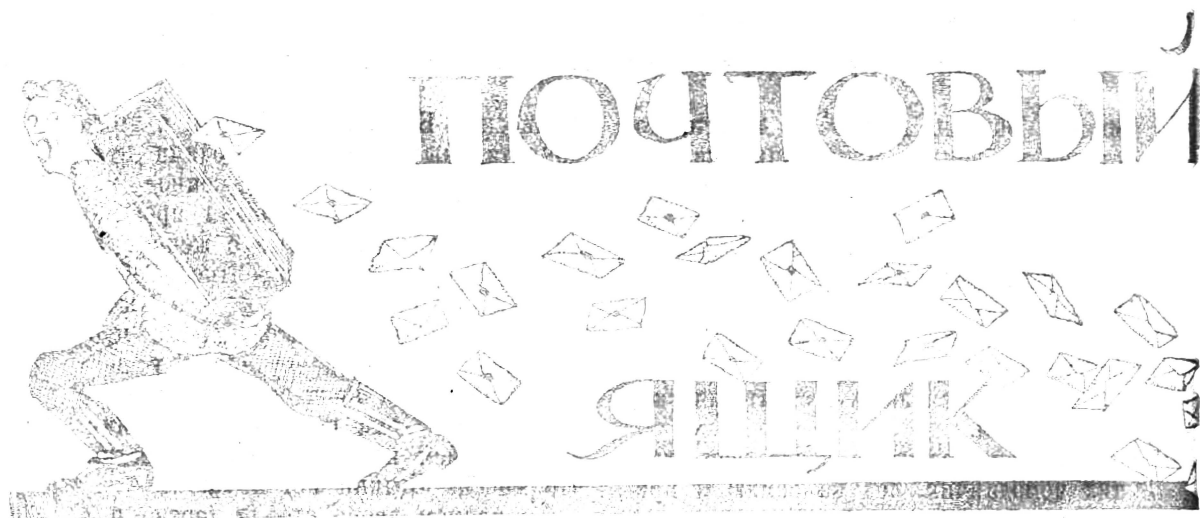
Вечером за обедом мистер Бодкин мучительно ломал голову, придумывая наиболее удобный способ известить миссис Бодкин, что на дворе привязан медведь; но у него хватило мужества лишь сообщить, что он плохо себя чувствует. Миссис Бодкин разволновалась и так досадила ему своими заботами, что он почувствовал себя в самом деле дурно и решил отложить неприятность с медведем до утра, когда усердие и пыл миссис Бодкин несколько повыдохнутся.

Утром он поднялся рано и взяв горшок молока и чашку с остатками вчерашнего обеда отправился во двор, чтобы покормить свою скотинку прежде чем представить ее жене.

Он спустился с лестницы, вышел во двор и... оба горшка вылетели у него из рук.

Правда, дерево стояло на своем месте, на дереве висела цепь, запертая огромным замком, ключ от которого лежал у него в кармане; правда на другом конце цепи был ошейник, но и только... медведя не было.

Мистер Бодкин тщательно собрал остатки посуды, и открыв рот, а еще шире—глаза, отправился обследовать поочередно все свои владения, а потом и весь поселок. И прошло довольно много времени, прежде чем он услышал из уст соседей забавный анекдот о двух оборванцах, продавших медведя одному энтузиасту зоологу, который был так наивен, что показал им где будет держать медведя, а те, не будь глупы, ночью увели своего четвероногого друга.

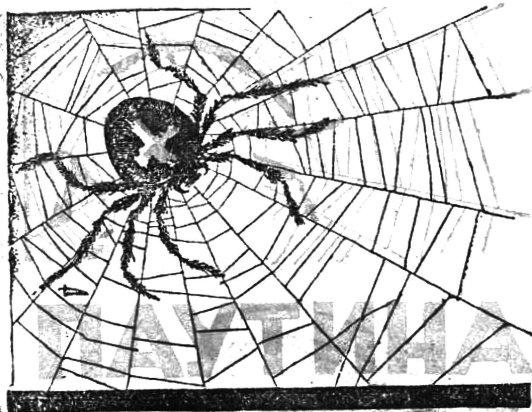

Л. Калинину (автору романа „Переговоры с Марсом“). Просим зайти в редакцию для переговоров ежедневно от 11 до 1 ч. дня или сообщить свой адрес.

М. Зуеву. (Вышний Волочек). Рассказ интересен, но нам не подойдет.

А Бибимову. (Н. Новгород). „Мистер Гренуэль“ и „Жизнь или смерть“ ждут в большой обработке.

А. Розенбергу, С. С. Заяицкому, П. Армянскому, Н Юдину—Не подойдет.

Юмористический Рассказ

Л. Копе и Г. Бернхейм

Был жаркий летний день. Художник Джеймс Макоуль стоял перед огромными часами почтовой конторы на большой Лондонской выставке, в триста семьдесят девятый раз сверяя свои часы; и в двести девяносто восьмой раз давая клятву, что он не будет больше ждать «Ее» ни одной секунды. Будь он мудрым человеком, он, конечно, отправился бы домой. Но увы! Много ли мудрецов на этом свете? Уплатив целый шиллинг за вход на выставку, он хотел получить удовольствие на все деньги.

Ворча и ругаясь, бедняга свернул в первую попавшуюся аллею. Снова замелькали перед его глазами выставка картин, показательная выставка сельско-хозяйственных орудий, старые лондонские улицы, далматские деревни, готтентотские краали. Он бродил, бродил без конца, пока такая прогулка в толпе, наводнявшей выставку, не довела его до полного одурения.

Неожиданно он очутился перед невысоким деревянным строением с затейливыми украшениями из папье-маше в стиле рококо. Перед входом помещалась касса и турникет. Над строением находилась вывеска, гласившая:

Паутина.

Перед турникетом стоял маленький человечек и громким резким голосом зазывал публику:

— Здесь вход в паутину! Пожалуйста, господа! Самый замечательный лабиринт; вход открыт для взрослых и детей. Масса удовольствия!..

Однако никто не входил в это строение, но снаружи стояла кучка людей, с любопытством поглядывавших на вход, завешанный тяжелой портьерой. Макоуль, привлеченный громким голосом маленького человечка, присоединился к глядеющей публике. В эту минуту из-за портьеры выглянули молодой человек и девушка, с мертвенно-бледными лицами. Толпа разразилась хохотом, все показывало пальцами на безобидную парочку. Они сразу остановились, лица их покрылись багровым румянцем, и, помедлив немного, оба снова скрылись за портьерой. Макоулю послышались звуки подавленных рыданий.

— Что это такое?—спросил он человека, стоявшего рядом с ним.

— Это—лабиринт, — ответил тот с улыбкой: Каждый входящий должен дойти до самой середины лабиринта; видите—там открытое место? Оттуда идет мост, выводящий наружу. Некоторые не могут найти дорогу и кидаются назад, к той двери, в которую вошли. А мы дразним их и смеемся. Понимаете?

—Понимаю,—сказал Макоуль и подумал про себя:—Никогда в жизни я не был в лабиринте. Должно быть, это очень забавно. Не зайти ли мне? Нужно попытаться убить время, а то я могу взбеситься от скуки.

Бедняга, очевидно, дошел до предела глупости, иначе он никогда не отдал бы три пенса за вход и не скрылся за турникетом.

Толпа приветствовала его одобрительными возгласами. Он обернулся, улыбаясь, помахал им платком и подумал про себя:—Нет, друзья мои! Уж меня-то вы больше не увидите, я сумею найти выход!

Он откинул портьеру и вошел в лабиринт.

Очутился в узком прямом коридоре, без крыши, с деревянными стенами футов в десять вышины. Стены были окрашены в ярко красный цвет, кото-

рый Макоуль ненавидел до глубины души. У него, как и у всякого художника, были свои любимые и нелюбимые цвета, но как раз красного цвета он буквально не мог выносить. А здесь, куда бы он не повернул голову, он натыкался на ярко красные стены. Если бы он не вспомнил о толпе, стоя-

другой путь. Почти немедленно вслед за этим, он прошел под мостом, построенным над лабиринтом. На мостике стоял какой-то молодой человек. Завидев Макоуля, он окликнул его:—Эй, вы! Вот вы куда забрались! И долго думаете вы еще здесь пробыть?

Макоуль холодно взглянул на него—

Толпа подняла бешенный шум.

щей у входа, и об ожидающих его насмешках, он, конечно, бросился бы назад. Но Макоуль не хотел, чтобы эти ротозеи указывали пальцами на него, и, преодолев отвращение, бодро двинулся вперед. Пройдя несколько шагов, он увидел, что корридор пересекается почти перпендикулярно другим, таким же корридором. Отсюда собственно и начинался лабиринт.

Макоуль остановился в нерешимости: он не знал, куда ему свернуть—направо или налево. Поколебавшись минуту, он достал из кошелька монету и подбросил ее—вышла решетка. Макоуль послушно свернул налево. С правой стороны открывался ряд отверстий в красной стене, но он миновал их все, пока корридор не привел его в тупик. Пришлось вернуться и выбрать

он начинал уже жалеть, что забрался в эту Паутину,—и пошел дальше, слегка ускорив шаги.

Немного погодя он нашел отверстие в красной стене, и, бросившись к нему, заглянул в самое сердце лабиринта. Но увы! попасть туда он не мог: отверстие было затянуто крепкой железной проволокой, окрашенной в красный цвет. Дальше по корридору тянулся целый ряд таких просветов, затянутых проволоочной решеткой. В середине лабиринта находилась платформа, усеянная людьми. От платформы начинался мост, построенный над лабиринтом, и выводящий публику на волю. Под этим то мостом и проходил недавно Макоуль.

Предвидя конец своего путешествия, он заметно приободрился и, ускорив

шаги, двинулся дальше, решив покончить возможно скорей с этой нелепидей. Пройдя несколько поворотов, он очутился перед **тяжелым** занавесом. Это был вход.

— Ладно!—сказал он громко, так как начинал уже терять голову:—хватит с меня этого развлечения.

И с этими словами он откинул портьеру. Взрыв хохота оглушил его. Он поднял глаза, и ему показалось, что целый лес насмешливых пальцев указывает на него; несметная толпа приветствовала насмешливыми возгласами его поворное возвращение. Очевидно, Макоуль уж порядком потерял голову, если человек двадцать безобидных граждан, добродушно подсмеивающихся над его неудачей, показались ему **целым** полчищем врагов.

Как бы то ни было, но он изменил себе. Первые его не выдержали, и одним прыжком он скрылся за портьерой, с проклятьем на устах и отчаянием в сердце. Нет, он не может вынести вида этих людей. Он готов бродить ощупью по лабиринту до конца своей жизни; но ни за что на свете не покажется этой банде дикарей.

С минуту он колебался, а затем бросился бежать по красному корридору. Добежав до перекрестка, он остановился. Остатки памяти еще сохранились у него. Он вспомнил, что в первый раз пошел налево, а потому теперь решительно свернул направо.

Корридоры, которые он пробегал, отличались мучительным однообразием; невозможно было различить один от другого. Голые, красные стены там и вям прерывались просветами, и это было единственное разнообразие. Стоя жаркий летний день. Воздух в этих высоких и узких проходах был тяжелый и спертый. Макоуль двигался со скоростью пяти миль в час, пытаясь нагнать потерянное время. Он обливался потом, голова у него разболелась, а красный цвет доводил до тошноты. Сердце бешенно билось в груди; его душила обида на судьбу, на «Нее» и на себя самого. Он пробыл в лабиринте не больше десяти минут, но ему казалось, что он со дня своего рождения

блуждает в этих корридорах. Станные мысли приходили ему в голову: не попал ли он на свою беду в преисподнюю? Не осужден ли он бродить до страшного суда по этим проходам? А, может быть, он шатается здесь со дня сотворения мира? Макоуль зажмурился и кинулся вперед, стараясь держаться подальше от красных стен, казавшихся ему огненными языками.

Внезапно он налетел на какую то пожилую женщину с маленьким мальчиком. Он почти сбил их с ног, когда они неожиданно вышли из-за поворота; оба заливались горячими слезами.

— О, сэр,—вскликнула старушка:

— Может быть, вы случайно знаете, где выход?

И она положила свои дрожащие руки на руку Макоуля и умоляюще заглянула ему в лицо. У Макоуля было доброе сердце. Отчаяние старушки растрогало его, и он на минуту забыл свое собственное несчастье. А кроме того сказать этой слабой женщине и невинному ребенку, что он сам не знает, где выход, казалось ему зверской жестокостью. Он буквально не в силах был это сделать.

— Вы желаете выйти, сударыня?—сказал он одобряюще:— Ну, что-ж! Это очень легко! Только следуйте за мной.

И он снова зашагал по корридорам, на этот раз гораздо медленнее, так как его спутники, которых он решил спасти, чуть не падали от усталости.

Он слышал, как женщина утешала за его спиной ребенка.

— Не плачь, Джонни, — шептала она:—Теперь уж мы скоро выберемся отсюда. Этот добрый господин указывает нам дорогу.

Макоуль шел впереди с поразительной уверенностью. Он резко повернул направо, пропустил несколько поворотов, свернул налево, затем снова направо, с таким видом, как будто бы он хорошо знал, куда идет. И—о чудо!—он очутился прямо перед центральной частью Паутины. В двадцати шагах от него возвышалась платформа, в которой вела небольшая лестница.

— О, сэр! — воскликнула старушка: — может быть вы случайно знаете, где выход?..

К несчастью, отверстие, через которое он смотрел, было заткнуто проводочной решеткой.

На платформе стояла небольшая кучка людей. Завидев за решеткой Макоуля, они начали выкрикивать насмешливые приветствия и указывать на него пальцами. Бедняга и не подозревал, что в настоящую минуту он находится вдвое дальше от центра, чем когда входил в лабиринт. Все эти люди уже окончили свои мытарства: их отделял от выхода один только мостик, и они чувствовали себя в полной безопасности. Всем хотелось отдохнуть от пережитых мучений и полюбоваться зрелищем страданий другого, и бедняга Макоуль стал мишенью их шуток.

— Вперед, сынок! — кричали они: — Вам предстоит дальний путь. Не теряйте времени! Смелей!

И одна девушка бросила Макоулю за решетку орех, в веселой шуткой. Это вызвало взрыв хохота. Макоуль задохнулся от бешенства.

И представьте себе, кто была эта девушка!

Но мне тяжело вам говорить, хотя я знаю, что рано или поздно истина обнаружится. Это была... Нет, я не могу сказать. Не будем больше касаться этого предмета. Скажу только, что Макуль, наконец, узнал, почему ему пришлось так долго ждать у почтовой конторы. С минуту он стоял в оцепенении и не мог сдвинуться с места, ноги его как будто приросли к земле, а взбудораженный мозг отказывался принять ужасную действительность. Наконец, с проклятьем он оторвался от решетки и бросился прочь, охваченный одним желанием найти вход. Обратите внимание—вход, а не выход.

Он больше не желал попасть на эту центральную платформу, на этот мост; ведущий к выходу. Он был готов бежать от него.

Он мчался по красным корридорам, гонимый фуриями бешенства, бессилия и разочарования.

Теперь он был уже замечен всеми стоящими на площадке, и, каждый раз, когда он пробегал мимо затянутых проволокой просветов, откуда его могла видеть публика с платформы, все они,

я подчеркиваю—все, указывали на него пальцами и кричали;

— Вот он! Вот он! Быстрей, обезьянка!

Макоуль ускорял шаги и вскоре убедился, что он давным давно потерял старушку с мальчиком. Но ему уже не было дела до них. Дошло до того, что Макоуль перестал интересоваться этими несчастными, вручившими ему свою судьбу. Нужно было спастись самому, и он не намеревался начать поиски какой то старухи и мальчика. Он хотел найти вход. Я повторяю—вход.

Но вход, конечно, не находился. Макоуль окончательно запутался в коридорах, и ему оставался только один путь из лабиринта.

Вдруг, он увидел шляпу, лежавшую на полу. Это была очень красивая шляпа из серого бархата. Он подбросил ее ногой. Шляпа упала на землю; он снова ее подбросил, и это немного развлекло его. Он шел по корридорам и гнал ее перед собой. Он попытался перебросить ее ногой через стену, но

ему не удалось. Когда шляпа ему наскучила, он наклонился и поднял ее, намереваясь перекинуть через стену и отделаться от нее. В это время шляпа перевернулась, и он прочел на внутренней стороне свое имя, написанное чернилами. Буквы были красиво украшены завитками; он узнал свой почерк.

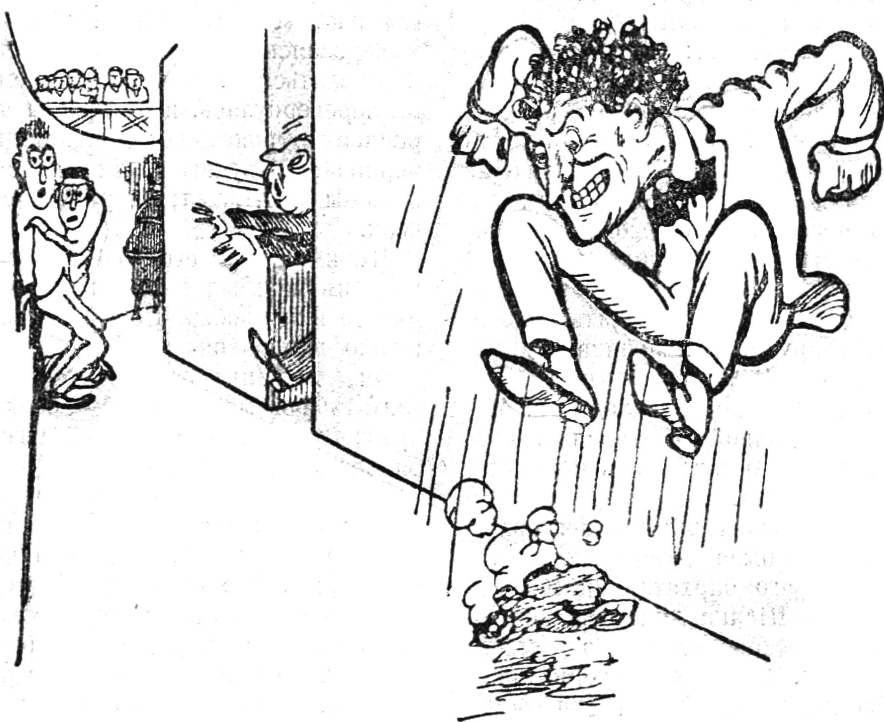
Шляпа была его собственная. Он понятия не имел о том, когда он потерял ее или бросил. Но она была совершенно испорчена.

Он швырнул ее на землю и стал топтать ногами. Раз пятьдесят подпрыгнул он на ней, и почувствовал себя значительно спокойнее.

Прекратив свою дьявольскую забаву, он обернулся и увидел в нескольких шагах от себя молодого человека и девушку. Это была та самая парочка, которая скрылась за портьерой от насмешек толпы. Глаза их были вытаращены от ужаса, рты открыты, и девушка пряталась за спину своего спутника.

А одна девушка бросила с веселой шуткой Макоулю за решетку орех..*

Он швырнул ее на землю и стал топтать ногами. Раз пятьдесят подпрыгнул он на ней..

Макоуль рассмеялся замогильным смехом, повернулся и пустился бежать.

Еще несколько веков пронеслось над его головою в этих красных корридорах. На каком то повороте он столкнулся с тем юношей, которого видел на мостике. Юноша обратился к нему:

— Вы, кажется, не можете найти выход, — сказал он:—Я укажу вам дорогу. Я знаю этот старый лабиринт, как свои пять пальцев.

Макоуль понял, что с небес к нему послан ангел на помощь. Он сказал:—Я буду вам бесконечно благодарен. Но только мне нужен вход, а не выход. Вы понимаете—вход.

— Вход?—переспросил юноша: — Ну, что ж! Как вам угодно. Следуйте за мной.—И он помчался по запутанным корридорам лабиринта с такой уверенностью, что привел в восхищение и изумление Макоуля. Бедняга следовал за ним с высунутым языком, и в течение нескольких минут ему удавалось не терять из виду своего про-

водника! За это время они успели пробежать не менее полумили.

Но...где же проводник?

Он исчез. Он повернул направо, потом налево, и вдруг, как сквозь землю провалился. До Макоуля донесся адский хохот, заглушаемый красными стенами.

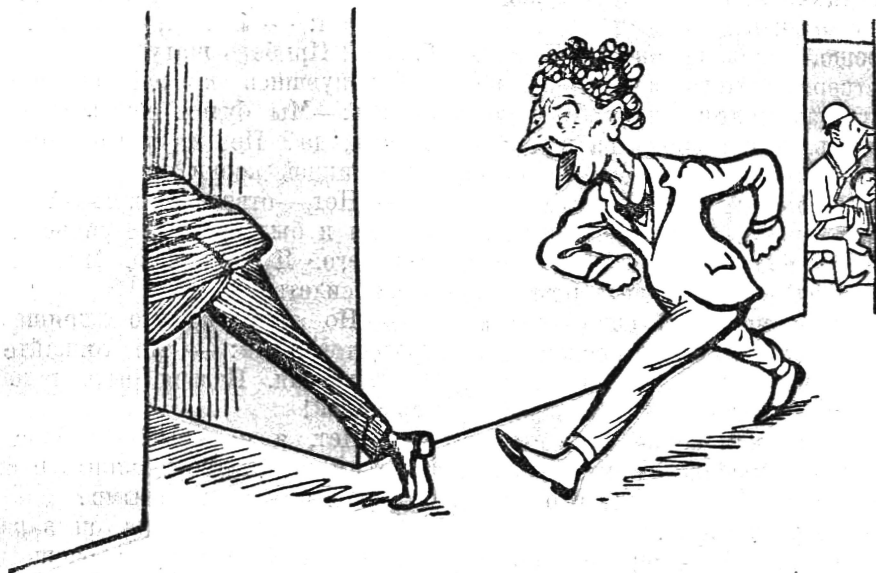
Это была шутка! Бездельник играл с ним, как кошка с мышью. Неужели возможны подобные вещи на земле?

Макоуль понял теперь, что не ангел был послан ему с небес на помощь. Он три раза потряс сжатыми кулаками над своей головой, послал молодого негодая в преисподнюю, откуда тот, несомненно, и вышел, и бросился дальше. И каждый раз, когда он пробежал мимо просветов, публика на платформе,—все до единого, — указывала на него пальцами и ободряла шутками. А, когда он пробежал под мостом, кто-нибудь бросал ему апельсинную корку, насмехался над ним или еще чем-нибудь отмечал его появление.

Старушка с мальчиком и молодая парочка были не единственными иска-телями развлечений, которых встретил Макоуль во время своего кошмарного странствования по лабиринту. Много народу вошло туда с улыбкой на губах, а теперь все они бродили по бесконечным корридорам, преждевременно состарившиеся и превратившиеся в полуидиотов. Несколько раз встречал

Макоуль заткнул уши, закрыл глаза и опрометью пустился бежать.

И вдруг он очутился в центре лабиринта. Прямо перед ним возвышалась платформа, к которой вела лестница. И не было ни одной проволочной решетки, отделявшей его от нее. От платформы шел крепкий мост без всяких поворотов и извилин прямо к выходу. На платформе стояла... но Макоуль уже

Бедняга следовал за ним с высунутым языком, и в течение нескольких минут ему удавалось не терять из виду своего проводника.

Макоуль человека средних лет с женой и шестью детьми. и каждый раз кто-нибудь из детей со слезами отказывался идти дальше. Не меньше десяти раз сталкивался он с пожилым господином, очень толстым и шикарно одетым, который, рыдая, умолял его указать путь к выходу и разражался градом ругательств по адресу улетывавшего Макоулю. Видел он еще в лабиринте двух молодых девушек, одну в желтом, другую в зеленом платье; медленно брели они по корридору, тихо плача и поддерживая друг друга. А, однажды, Макоуль натолкнулся на страшное зрелище — человек гигантского роста, с большой черной бородой, колотил руками и ногами красную стену, изрыгая проклятия, как вулкан извергает лаву.

не думал о том, кто там стоял. Он вообще ни о чем не мог думать...

С радостным воплем бросился он в лестнице и взбежал по ступенькам. Наверху его встретила Она.

— Слава богу! Я думала, что вы никогда оттуда не выберетесь, — сказала она: — А теперь поведите меня куда-нибудь пить чай.

Он холодно взглянул на нее.

— Вы бросили мне орех, — сказал он резко: — Вы показывали на меня пальцем. Вы кричали: — «Вот тебе орешек, обезьянка!» — Чорт побери! Зачем я поведу вас пить чай?!

Его мужское самолюбие было сильно задето, и даже Ее красота не могла смягчить его.

— Ах! — воскликнула она: — Он раз-

сердился! Он ужасно разсердился, бедняжка!

— Да, — ответил Макоуль:—И вы бы сердились, если бы вам пришлось провести в этом проклятом месте полтора часа.—Он тяжело опустился на скамью, стоявшую у перил платформы и туло уставился на лабиринт.

— Сколько времени вы ждали меня у почтовой конторы?—спросила она.

— Я ждал вас,—ответил он сухо:— три четверти часа, с трех часов, когда мы должны были встретиться.

— Хорошо,—сказала она:— Теперь только четверть пятого, значит вы не могли быть там полтора часа. Вам повеселилось. А я пришла на выставку немного раньше назначенного часа и зашла в лабиринт без четверти три, чтобы убить время. А знаете, когда я вышла на эту платформу? Ровно в четыре. Я пробыла час с четвертью в этом проклятом месте. Я сижу здесь всего пятнадцать минут. И первое, что я увидела, когда поднялась на платформу, были вы, стоящий за решеткой в самом дальнем конце. Мне стало жаль вас. И я бросила орех только, чтобы вы знали, что я здесь, что ваш друг о вас беспокоится...

— Это неправда! — перебил он с жаром:—Вы крикнули: — «Вот тебе орешек, обезьянка!»—Если вы этим хотели выразить мне свое сочувствие...

— Но, право же, я не могла удержаться! — воскликнула она:—Вы вы-

глядели ужасно смешным за этой решеткой. Совсем, как зверь в клетке.

В эту минуту на платформе все, за исключением Макоуля и его собеседницы, заволновались и закричали:

— А вон опять этот старый толстяк! Вперед! Не падай духом!

Макоуль быстро оглянулся и заметил толстого, шикарно одетого господина, виновато скользнувшего за решеткой.

Он с живостью вскочил со скамьи и закричал: — Живей, толстяк! Конец близок! Прибавь шагу!

Обернувшись к своей спутнице, он сказал:—Мы будем называть его толстяком, да? Нет ли у вас ореха или апельсинной корки?

— Нет,—ответила она:—А если бы у меня и был орех, все равно я бы не дала его. Я хочу чаю. Мне надоело здесь сидеть.

— Но я только что пришел,—запротестовал он: — Не лишайте меня удовольствия. Нельзя быть такой бессердечной!

— Нет, я не хочу!—сказала она: Как вам не стыдно дразнить и смеяться над этими несчастными?

Пять минут спустя он заказывал для нее чай. Она была очень красива, настолько красива, что ради нее он отказался от развлечения. Но ей не удалось привести его к алтарю.

Проклятый орех застрял у него в горле.

ТРЮК ДЛЯ КИНЕМАТОГРАФА.

Рассказ ковбоя.

Дервента Ченни.

Невольное купание.

На ферме старого Миффи Чарли Фен считался самым сильным человеком. Он мог перевернуть молодого бычка, как слепого котенка, и—я это видел собственными глазами—брал Каннигана за шиворот и клал его на высокую полку, «остудиться», когда он поднимал ад в салоне Демисея, и все остальные ребята лежали под столами.

Однажды, утром, прошлым летом, Старый Миффи встал с левой ноги, и приветствовал нас такими словами:

— На кой черт вы годитесь? Может быть получать призы в состязаниях на красоту? Сканлонские разбойники опять крадут нашу воду, а вы стоите и прихорашиваетесь.

Это была старая история с водой. Через северо-западный угол нашей земли, должен был протекать ручей, но Сканлонские ребята привыкли строить через него плотину, так что вся вода текла к ним, что было очень плохо для нашей скотины. Адвокаты с обеих сторон уже несколько лет чесали языки по этому поводу, получали свой гонорар, и не спешили кончить дело. Несколько раз наши ходили и разбивали плотину, но ее сейчас же строили опять, и так без конца.

Ну, ребята бывшие по большей части новичками, сразу раскисли от этой речи. Старый Финикен вылез вперед и сказал:

— Послушайте мистер Миффи, я смотрю на это так: в контракте ничего не сказано насчет драки, а говорит что новый заведующий у Сканлонов настоящий дьявол.

Старый Миффи презрительно сплюнул.

Тут заговорил Чарли:

— Мистер Миффи,—сказал он,—если вы заплатите за все убытки, которые я могу наделать у Сканлонов, я пойду туда и взгляну в чем дело.

— Если бы, да кабы,—с'язвил старик,—вы много сделаете с рашими «если» да «может быть»,—и он ушел встречать почту.

Чарли стоял улыбаясь и думал о чем то. Потом он спросил меня:—идешь Денни?

— Куда? спрашиваю я.

— Да посмотреть, что за плотину они там сделали. Финикен сказал правду что новый управляющий настоящий дьявол.

— Я готов—говорю я. Мы с Чарли сели на лошадей и поехали к левому, верхнему углу земли Миффи.

В том месте где протекал ручей по нашей земле, не было ничего кроме ссохшейся грязи, и мы увидели с полдюжины Сканлонских ребят строящих плотину через речонку.

Несколько парней посмотрело на нас когда мы подъехали к ним, а Хойлок, их новый управляющий, человек гигантского роста, крикнул:

— Эй, что вы делаете на нашей земле?

Чарли потихоньку слез со своей лошади, подошел к краю плотины и посмотрел на воду.

— У вас славная запруда,—сказал он.

—Ну, и что-ж из этого?

— Я думаю, что в нее можно погрузиться по уши?

— Это вас не касается, — сказал Хойлэк.

— Нет, но я хотел бы измерить это озеро, и узнать насколько оно глубоко, — и он смерил взглядом высокого управляющего. — Я только хочу промерить воду — сказал он — и так как у меня нет песта, я думаю употребить одного из вас, парни. Вы будете как раз впору — сказал он вдруг подходя к Хойлэку.

Вы должны были видеть как вспыхнули от гнева глаза великана, но он стал беспомощным как ребенок, когда Чарли ухватил его как следует.

Затем Чарли поднял его на воздух и швырнул через земляную насыпь прямо в воду, лег затем на край и толкнул его голову вниз.

Хойлэк не умел плавать, и только фыркал и пускал пузыри, пока Чарли поднимал и опускал его за волосы.

Конечно, его ребята пробовали вмешаться, но я вытащил револьвер, Я,

Чарли поднимал и опускал его за волосы.

видите ли не мог позволить им помещать забаве Чарли, так что они должны были стоять и смотреть.

— Стоит денег посмотреть на это—говорил я им,—вы никогда не увидите такой вещи за 10 центов в кинематографе. Знаменитый человек — рыба сейчас показывает свои способности, но вы не должны подходить, он кусается.

Наконец, Чарли вытащил его на берег, и он лежал там хватая ртом воздух точно рыба, вытщенная из воды.

Ребята бросились тогда на нас, но Чарли уложил одного на землю лопатой, а я слегка долбанул другого, и они успокоились.

Затем мы принялись разрушать плотину. Приятно было видеть как вода ринулась сквозь отверстие и размывала ее в столько же минут, сколько дней ее строили.

Хойлэк, оправившийся к этому времени, дрожа от холода, встал и затряс кулаками.

— Я заплачу еще за это,—кричал он—вы еще попомните меня.

— Благодарю вас, мистер Хойлэк,—сказал Чарли,—я ничего не возьму за это купанье, и я приду еще раз как только вы захотите принять новую ванну.

Засада у Четырех сосен.

Платерсвилль не считается красивым местом. В нем есть несколько чистеньких деревянных домов, полдюжину железных барачков, церковь, банк, и салон Димпсея.

Ребята любили ходить туда, когда они получали свое жалованье, Димпсей получал часть его, и господа, умевшие сдавать карты, так, что у них всякий раз было четыре туза—забирали у нас остальное.

Ну, однажды, когда я стоял около прилавка, ко мне подошел негодяй, которого мы для краткости звали Лулу,—я забыл его фамилию—и облокотился на стойку рядом со мной.

— Говорили тебе, что-нибудь насчет Хойлака?—спросил он, меня шопотом.

— Нет,—сказал я,—а что он сделал?

— Вы должны смотреть за ним в оба,—сказал Лулу,—у вас там есть один верзила—Чарли, что ли?

— Да,—говорю я,—он сейчас в городе.

— Ну, тогда скажи ему, что для него будет смола и перья, если Хойлэк поймает его сегодня.

— Кто это говорит?

— Вчера я был с письмом на сканлонском участке, и слышал, что там говорили. Они хотят устроить засаду около Лошадиного ручья. И там будут смола и перья.

Я однажды, видел человека осмоленного и покрытого перьями, и помогал чистить его. Может быть он заслуживал этого, но это ужасная вещь! Смола сосыхается и тогда начинаются муки: кожа лопается и трескается на всем теле, и все это сопровождается ужасной болью.

— Что-ж,—говорю я Лулу,—мы тогда поедем мимо Четырех Сосен.

— Это будет самое лучшее,—говорит Лулу, и увидев двух сканлонских людей, входящих в салон, он улизнул.

Димпсей не любил шума и был поклонником порядка и тишины в своем салоне, так что никакой особенной драки не бывало, если там мы не встречали сканлонских.

Вошедшие парни посмотрели на меня, я посмотрел на них и спросил какое мыло их управляющий хотел бы для своего следующего купанья, потому, что я купил бы заранее кусок в городе. Тогда один из них, Скотти, бросился на меня; я угостил его прямо в челюсть и он растянулся на столе. Мурфи, его товарищ попробовал схватить меня и бросить на пол, но я покатил его головой о стойку, и он свалился, но потянул и меня; и мы, все трое начали кататься по полу.

Пыль стояла столбом, когда Димпсей перепрыгнул через стойку и рознял нас, сказав при этом пару слов, которых он не сказал бы на воскресном собрании.

Но на самом деле ничего особенного не было, только мистер Димпсей очень любил порядок.

Скотти после драки распушился.

— Хорошо—говорил он, когда Димпсей тащил его за шиворот на задний двор умыться—хорошо. Теперь вас будет двое.

Я сейчас же угадал, что он думал обо мне и Чарли. Они хотели теперь поймать нас обоих, что не было трудно так как мы обыкновенно бывали вместе.

— Ну, я немножко подумал и решил, что лучше не говорить Чарли насчет смолы и перьев. Он сейчас же захотел бы подраться. Если мы могли разрушить их планы просто на просто проехав мимо Четырех Сосен, как советовал Лулу, то это, конечно, было бы лучше драки. Мы не могли рассчитывать на помощь кого-нибудь из наших, так что нас было бы всего двое против целой оравы.

— Что с тобой? — спросил Чарли, когда мы выехали из Платтерсвилля, лунной ночью.—Неужели ребята так сильно встряхнули тебя во время вашего маленького спора у Димпсея?

— Нет,—говорю я,—я только думал.

— Я знал людей, умерших от усиленного раздумья. О чем это ты думал?

— Я думал, что хорошо было бы увидеть Четыре Сосны при лунном свете.

— Что! Вот так чудо! Зачем?—воскликнул он.

— Я слышал, что призрак дорожного агента, повешенного там, ходит по ночам—сказал я, придумывая все это сам. — Я еще никогда не видел призрака, и я хотел бы сказать ему пару теплых слов.

— Я хотел бы видеть его тоже,—сказал Чарли.

И мы молча поехали, пока не увидели деревьев.

Внезапно Чарли понюхал воздух.

— Я думаю, что твой дорожный агент был настоящий негодяй,—сказал он.

— Почему?—спросил я.

— Потому, что он притащил с собой запах ада, что то вроде запаха кипящей смолы.

Я понюхал тоже и остановился.

— Чарли,—сказал я.—Я тебе солгал. Я привел тебя сюда, чтобы быть подальше от этого запаха, а он тут

как тут. Я теперь все понимаю, Лулу в заговоре с ними.

Разумеется, все это было для Чарли китайской грамотой, так что я должен был объяснить.

Для меня было ясно, что Лулу—этот негодяй—был подослан, чтобы заставить нас поехать именно этой дорогой. Она была более уединенна, чем путь через Лошадиный ручей, и они рассчитывали, что мы не будем настороже и поедем легко в плен.

— Я очень рад, что узнал об этом,—сказал Чарли холодно.—Я этого так не оставляю. Прощаю тебе Денни за обман. Теперь мы лучше оставим лошадей и произведем разведку.

Мы пролезли сквозь кусты и, наконец, увидели костер. Около него стоял человек и мешал в ведре, висевшем над огнем. Дальше была группа кустов. За этими кустами лежали все остальные, спиной к нам.

— Этот для меня—прошентал Чарли и пополз к человеку около костра, стоявшему тоже спиной к нам. Чарли подполз к нему, и я увидел как он внезапно схватил его, заткнул ему рот, и притащил ко мне.

— Уклонать его что ли? спросил он бросая пленника на землю.

— Свяжем его лучше,—сказал я. Мы завязали его, так, что он не мог шевельнуться и затем Чарли тихонько рассмеялся.

— Вон там сидит Хойлэк, точно курица на яйцах. вон за тем кустом.

— Ну?

— Мне жалко заставлять его ждать нас. Пойдем к нему.

Мы подползли к костру, Чарли снял ведро со смолой и один пошел вперед.

Хойлэк должно быть услышал, что-нибудь, когда Чарли был как раз сзади его. Он вскочил обернулся. Тогда мой товарищ перевернул на него ведро и нахлобучил ему на голову.

Другие оглянулись назад и увидели Хойлэка, бегущего с ведром, там, где должна была быть его голова; тут я вытащил револьвер и начал стрелять вверх, крича при этом что было мочи, и Чарли делал тоже самое. Они, наверно решили, что весь город был за ними, ибо они вскочили на лошадей и

умчались, прежде, чем даже их управляющий успел освободиться от ведра.

Мы с Чарли тогда повели его назад в Платтерсвилль. Ему пришлось идти пешком; я боялся, что севши на лошадь он навеки прилипнет к ней.

Когда мы очутились в городе, улицы уже опустели. Привязав Хойлака арканом к городской помпе, мы пошли разбудить доктора. Чарли барабанил по ставням, пока доктор не высунул голову. в окно.

— Какой дьявол,—заорал он—выбрал это время, чтобы помирать?

— Хойлак ведет себя очень странно, сэр,—ответил Чарли.

— Какой черт с ним?

— Он весь почернел, доктор.

— Почернел? И он еще жив?

— Может быть. Во всяком случае, он еще может ругаться. Он привязан к насосу.

— Я сейчас сойду вниз—сказал доктор.

К этому времени дюжина голов высунулась из окон. Но, прежде, чем доктор сошел вниз, мы умчались.

Весь город смеялся над этим случаем, и детишки кричали вслед Хойлаку «смоляная башка».

Это так взбесило Хойлака, что он решил избавиться от Чарли.

Вертельщики с Востока.

Через несколько дней после этой истории, какой то франт под'ехал в коляске к Старому Миффи.

— Это ферма мистера Миффи? — спросил он.

— Она самая — отвечал сам Миффи,—я думаю, что вы адвокат, и явились сюда сообщить, что мой дядя Сам умер, оставив мне миллион наличными?

К сожалению я не могу сказать этого,—сказал франт.

— Да я и не поверил бы,—сказал Миффи,—ибо у меня был только один дядя, да и тот разорился на торговле и повесился на старой яблоне. А вы не продаете книги?

Франт к этому времени выскочил из своей коляски и начал обмахиваться носовым платком.

— Не продаю,—ответил он. — Я приехал навестить вас и ваших служащих. — Миффи стал серьезным и пощупал свой револьвер. Он решил что франт был опасным преступником. Но скоро обнаружилось, что хотел сказать франт с носовым платком.

Он был кинематографическим с'емщиком и хотел получить снимки Далекого Запада, с настоящими ковбоями и настоящей обстановкой.

— Фу! Неужели вы будете снимать этих дурацев?—спросил Миффи—этаких красавцев не стоит показывать публике, они только напугают женщин и детей.

— Они настоящие, — сказал франт,—и поэтому очень хороши для меня.

— А я буду участвовать?—спросил Миффи.

— О, конечно!

— Обождите тогда минуту мистер, пока я одену мой воскресный костюм,—крикнул Миффи идя к двери. — Смотрите ребята улыбайтесь — прибавил он,—ведь вы будете показаны всем знаменитым людям. Не правда ли, мистер?

Фотограф рассмеялся.

— Пойдите,—сказал он, наконец,—я еще не готов. Моя компания сейчас еще в городе, и я хочу привезти ее сюда, а вы и ваши служащие войдете в некоторые снимки, для придания картине большей реальности. Немножко работы будет сделано на главной улице Платтерсвилля, и в общем это займет 5—6 дней. И вот что мистер Миффи: я деловой человек и я люблю деловые разговоры. Мы не требуем любезностей, а платим за то, что мы хотим.

Тут была очередь Миффи смеяться.

— Зайдите в дом мистер,—сказал он,—мы столкуемся.

На следующий день началось «навертыванье».

Франт приехал с несколькими красивыми девушками и молодыми людьми, в новеньких костюмах и—индейцами! Они поставили свой волшебный ящик около пруда, франт стал около него и начал кричать в рупор. Представление началось.

Сначала какие то девушка и молодой человек разговаривали вместе, потом на них бросились индейцы, ударили парня по голове так, что он свалился, и привязали девушку к дереву.

Тут вмешались мы.

Шестеро из нас, с одним актером во главе, подскакали на лошадях и начали стрелять, и прогнали, наконец, индейцев. Тогда актер освободил девушку и этим закончился день.

Мистер Мира—франт, кричавший в рупор—сказал, что все было прекрасно сыграно, и что он просил бы нас теперь в Платтерсвилль, когда нам будет удобно.

Эти пришлось на субботу.

— Там будет замечательная картина с быком,—сказал он,— мне для нее нужен силач. Вы, я думаю, подойдете,—сказал он Чарли.

— А, что мне придется делать? спросил Чарли.

— Ничего особенного, но из этого выйдет прекрасная картина. Я скажу вам об этом в субботу.

Но мы услышали об этом в тот же вечер.

Чарли и я поехали за чем то в город, и нашли новый проволочный забор, вокруг большого пустыря, как раз против салона, и всех горожан вокруг него.

— Что это?—спросил Чарли у одного из зевак.

— Это для кинематографа,—сказал он,—здесь будет снята картина, в которой участвует бык. Видите ли, школьная учительница пойдет через пустырь и на нее бросится бык. Тут явится какой то молодец и спасет ее.

— Я думаю, что это придется сделать мне,—сказал Чарли,—но чей будет бык?

— А они хотят взять сканлонского старого быка, Белую Звезду. Его привезут сюда в пятницу вечером и запрут вон в тот амбар.

Когда Чарли услышал о Белой Звезде он захохотал и не поверил этому, потому что все знали, что бык был стар и дал бы связать себя точно ручной агнеенок.

Потом мы пошли в салон. В нем было несколько сканлонских ребят с Хойлэком во главе.

— Послушайте,—закричал Димпсей, увидев нас,—я не потерял никаких беспорядков. Вы ведь хорошо знаете меня, Чарли.

— Я знаю вас, как очень почтенного человека, мистер Димпсей,—отвечал Чарли,—и я согласен, что вы должны предупреждать каких-нибудь негодяев, случайно попавших сюда. Но я пошел бы еще дальше мистер Димпсей, я просил бы что-б они не приносили с собой запах смолы, сюда в такой благородный салон. Вода дешева, продолжал он,—и лучший способ избавиться от смолы—купанье.

Конечно, это взбесило Хойлэка, и в следующую минуту драка была в полном разгаре. Половина ребят лежала под столами, по воздуху летали стулья и бутылки, и Димпсей стоял в углу и клялся, что пустит в ход свой револьвер.

Мне разбили губу, и парня, сделавшего это должны были вынести на двор, и полить водой, прежде, чем он очнулся. Затем, когда мы заплатив за поломанные столы и стулья, собрались уходить Хойлэк крикнул Чарли:—Ты еще припомнишь меня!—и шестеро человек еле отняли у него револьвер.

Мы потом немножко посмеялись смотря как его положили на телегу и увезли домой.

Что случилось в проволочном заборе.

В пятницу вечером, я встретил парня, служившего у Димпсея.

— Послушайте, мистер,—закричал он,—я сейчас видел как Хойлэк и еще двое из ихних ребят вводили Белую Звезду в амбар.

— Что?—воскликнул я,—неужели такую смирную скотину втаскивали четыре человека? Ведь это выйдет по ноге на каждого.

— Ха, ха, ха.—засмеялся он,—но ведь никакая скотина не пойдет в новое помещение не упираясь. До свидания, мистер.

На следующий день мы все пошли смотреть как Чарли будет разыгрывать

храбреца. Он оделся получше: вычистил сапоги и одел новый шарф, словом стал настоящим франтом.

В городе все собрались около забора.

Мистер Мира был уже там, и вертельщик с камерой стоял наготове. Мистер Мира познакомил Чарли с одной из девушек, которая ждала у ворот.

Чарли поздоровался с ней, осведомился об ее здоровье и спросил не боится ли она коровки. Она отвечала, что ничего не должна бояться, а то она не годилась бы для кинематографа. Затем мистер Мира впустил их в огороженный пустырь, и велел Чарли постоять пока в стороне.

Девушка вышла на середину поля и мистер Мира начал кричать ей в рупор. Она вытащила письмо из сумки и начала читать. Затем она заплакала, так натурально, точно она узнала, что ферма была заложена, а ее отец

сломал себе ногу, и дядя Биль был повешен за подлог, а сестра Джен вышла замуж за красивого незнакомца, которого ребята поймали с четырьмя тузами в рукаве.

— Эй, мистер ковбой,—закричал вдруг франт,—приготовьтесь.

Чарли был за забором, и смотрел на учительницу.

Тут из амбара выбежал бык. Он остановился на секунду увидев толпу.

— Боже мой,—закричал я,—это не Белая Звезда. Чарли схвати девушку и перекинь на эту сторону, а то она пропала.

Но он уже увидел, что что то было неладно. Бык был молодой, и чем то был взбешен, а гудящая толпа вовсе не успокаивала его.

Он посмотрел на людей — и низко опустив голову бросился на школьную учительницу.

Чарли пригибал голову быка все ниже и ниже.

Я закрыл глаза.

Чарли не имел времени подхватить ее, но я услышал свист веревки и вздох облегчения пронесся по толпе. Я открыл глаза и увидел Чарли, низко нагнувшегося в седле и веревку, туго натянутою между ним и быком.

Я тогда все сообразил. Бык не был Белой Звездой, хотя и был похож на него. И я вспомнил, что быка тащили четыре человека, и Хойлэк с Дулу между ними.

Ясно было, что они рассчитывали на беспечность Чарли, который думал, что ему придется иметь дело со старой измученной клячей. Он мог печально упасть и бешенный бык разодрал бы его!

Но Чарли держал быка на веревке.

— Выходите мисс,—кричал он,—но бедная девушка упала в обморок.

Я бросился к воротам, чтобы вынести ее назад, когда мистер Мира закричал:

— Назад, Лонслей, нет никакой опасности, это как раз то, что мы хотим.

— Бык взбешен,—кричал я, но они толкали меня назад. Они ничего не понимали. Они думали, что девушка только притворяется!

Вдруг бык дернул головой и веревка лопнула, и бешенней, чем когда-либо он бросился на девушку. С быстротой молнии Чарли ринулся вперед, соскочил с лошади и обернулся к быку.

Бык остановился на мгновение, опять опустил голову—и Чарли схватил его за рога. Бык затряс головой и подкинул его в воздух, но Чарли держался крепко, и постепенно пригибал голову быка все ниже и ниже.

Ни одного звука не было слышно, кроме треска камеры, ручку которой вертел фотограф. Он точно не понимал, что это может окончиться убийством. Никто кроме Чарли не мог бы сделать этого. Чарли заставил быка стать на колени, затем, перевернув его, он усадил ему на голову.

— Вынесите девушку—крикнул он.

И внезапно все поняли, что это была не игра. Они подняли такой вой, что разбудили бы мертвеца. Мистер Мир уронил свой руно и орал не хуже других.

Но ни один не решился войти, пока я не вырвался из рук, державших меня, и перемахнув через забор, бросился к бедной школьной учительнице.

Пока я вынес ее через ворота, другие ребята связали быка и освободили Чарли. Толпа ревела, когда он, наконец, вышел сквозь ворота.

Мистер Мира обтирал лицо платком и, казалось, плохо себя чувствовал.

— Получили хорошую картину? — спросил Чарли хладнокровно.

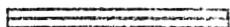
— Ого, это будет чудо, но я не требовал такого ужасного риска. Кто это выпустил такого быка?

— Послушайте мистер — вмешался я—вы имеете хороший случай получить картину суда Линча. Вы видите вон то дерево на холме? Притащите туда вашу камеру, а мы найдем все остальное.

И мы начали кричать Хойлэка, и через две минуты мчались за ним по прерии.

Но он удрал в соседний штат, и мы никогда больше не видели его.

Жаль, однако, вышла бы чудесная картина, поймай мы его.

КОМНАТА КОШМАРОВ

Рассказ А. Конан-Дойля.

Гостинная в доме Мэсона имела чрезвычайно оригинальную внешность. Одна часть ее была обставлена с большим вкусом роскошной мебелью, представлявшей огромную ценность: глубокие канапэ, роскошные мягкие кресла, изумительные статуэтки и тяжелые дорогие портьеры, мягкими складками падавшие с высоты ленных карнизов — все это служило исключительно-удачным фоном для той красавицы, которая владела всей этой роскошью.

Мэсон, еще молодой человек, энергичный и очень состоятельный делец не жалел ничего чтобы исполнять не только капризы, но даже еще невысказанные желания своей красавицы жены и часто делал вещи, совершенно несовместимые с его положением. Это было вполне естественно; ведь она так много принесла в жертву его желаниям... Самая известная танцовщица Франции, героиня дюжины экстраординарных сенсационных романов окруженная всегда общим восхищением, она оставила эту жизнь, полную блеска и солнечной радости, чтобы связать судьбу с молодым американцем, чья суровая, кипучая натура устремлялась по совершенно иному пути. И за эту жертву он старался отплатить ей всем, что могли сделать безграничная любовь и огромное богатство. И, что редко довольно случается у сдержанных людей, он любил ее безгранично и ничей взор не смущал его... Будучи мужем он все еще остался влюбленным, как

в первый день встречи. Он не стеснялся никого, никто не мог помешать его любви и даже в обществе он не мог удержаться от выражения величайшей нежности по отношению к жене. И общество которое осудило — бы другого, молчало перед силой золота.

Но гостинная все же была единственной в своем роде. При первом взгляде она казалось какой-то странно знакомой... где-то вы видели нечто подобное... но где?.. И лишь потом, немного осмотревшись вы начинали отмечать чрезвычайно странные детали. Там было тихо, очень тихо, слишком тихо. Ни один звук не пропускали толстые дорогие ковры и тяжелые драпировки. Шум борьбы, грохот падения тела не вызвали-бы ничего кроме легкого колебания воздуха. В этой комнате не было звуков.

Потом, вас поражало то, что комната была безцветная, однообразные мягкие тона обстановки еще более обезцвечивались слабым светом дня или ламп, искусственно смягченным.

И углы комнаты были разные. Со стороны можно было-бы предположить, что юный банкир выбрасывая тысячи на этот будуар, стараясь сделать дорогую бомбоньерку для своего сокровища, забыл всякое благоразумие, забыл справиться с наличностью своей кассы и был внезапно арестован за огромную растрату клиентских денег. Если смотреть в комнату из окна с улицы, она казалась образцом роскоши... но в дру-

гом конце она была скупой спартански-строгий мебелирована и выглядела скорее как келья аскета, чем уютное гнездышко хорошенькой женщины.

Может быть именно поэтому Люсиль и приходила сюда не часто, раза два-три, редко—четыре в день, но во время пребывания в этой загадочной комнате Люсиль Мэсон жила совсем иной жизнью, чем вне этих странных стен. Вне странной гостинной она была другая, это восхитительно-опасная, красивая женщина.

Да, именно, опасная. Но могли ли кто предполагать это, при виде ее, изящной и томной, распростертой на шкуре большого медведя, небрежно углом брошенной на канат? Она лежала упершись нежным точеным подбородком на согнутую белую руку, устремив глаза, огромные, живые, ласкающие, но неутомимые глаза, куда-то вдаль и во всей ее фигуре была видна какая-то настороженность, напряжение, тревожное ожидание чего-то страшного.

Это было чудное лицо, лицо красивого ребенка, но природа наложила на нее свою странную печать, какое-то неуловимое выражение затаенного зла, которое вот вот готово вырваться наружу в образе маленьких злых дьяволов. Все замечали, что собаки бежали от нее, а дети плакали и всеми силами уклонялись от ее ласк. Есть инстинкты более глубокие, чем доводы разума.

Сегодня она была особенно чем-то встревожена. Она нервно сжимала в руке письмо, читала, перечитывала его, озабоченно хмурия тонкие брови и губы ее что-то шептали.

Внезапно она вздрогнула и тень страха точно смягчила хищное, злое выражение ее лица.

— Надо подготовиться! — громким шопотом сказала она...

Она приподнялась со шкуры и ее взгляд со страхом устремился на дверь. Она чутко прислушивалась, прислушивалась к чему-то, от чего порою волна дрожи пробегала по ее телу.

На одно мгновение тень улыбки смягчило страшное выражение ее лица. Но тотчас же испуганным, быстрым движением она спрятала письмо за карсаж. Едва письмо исчезло за краем

материи, дверь резко отворилась и в комнату быстро вошел молодой человек. Это был Арчи Мэсон, ее супруг, человек, которого она любила, человек, для которого она поступилась своей блестящей карьерой и европейской известностью, человек, который теперь был для нее единственным сомнительным пунктом в задуманном новом, удивительном эксперименте.

Американцу было лет тридцать Атлетического сложения, гладко-выбритый, он был одет в превосходно-сшитый костюм, плотно облегающий его мощную фигуру. Он стоял в дверях скрестив руки и пылливо смотрел на свою жену. И его смуглое, позолоченное солнцем красивое лицо с плотно сжатыми губами можно было бы принять за маску бесстрастия, если бы в его живых глазах не бегали странные искорки...

Она все еще лежала на шкуре медведя, но ее глаза были прикованы к его взгляду, было что-то страшное, напряженное в этом безмолвном поединке взоров. В каждом взгляде был вопрос и чувствовалось, что ответ, неуловимый ответ и необходим и страшен. И нужно было узнать его. — Что ты делала? — спрашивал его взгляд. — Что тебе известно? — допытывались ее глаза. Наконец, Мэсон подошел ближе, опустился на медвежью шкуру рядом с ней и нежно схвативши ее маленькое розовое ухо, слегка притянул ее к себе.

— Люсиль, — сказал он, — ты меня хочешь отравить?

Она вздрогнула; страшный испуг отразился на ее лице и слова протеста замерли на губах. Она попробовала вскочить, но его мягкая сильная рука удержала ее. И опять он спросил и на этот раз еще глуше, еще страшнее:

— Люсиль, зачем ты меня отравляешь? — Ты с ума сошел, Арчи! Это безумие — звенящим шопотом вырвалось у нее. И его ответ заставил похолодеть всю кровь в ее жилах. Бледная, дрожащая, она безмолвно следила за тем как он вынул из кармана крошечный флакончик и держа его перед ее глазами, медленно проговорил:

— Я нашел его в твоей шкатулке с драгоценностями...

Мгновение — и письмо очутилась в его руках.

Дважды пыталась она ответить, но не могла. Спазма сдавливала ей горло. Потом ей удалось протворить срывающимся голосом:

— Во всяком случае... я никогда... не... употребляла его...

И снова его рука дотронулась до мана. Он вынул листок бумаги, развернул его и поднес к ее глазам.

— Это рецепт доктора Ангус. Он доказывает, что тут было двенадцать гран антимония. У меня есть также письменное свидетельство от Дю-Валя, аптекаря, отпуславшего тебе яд.

На ее лицо было страшно взглянуть. Ей нечего было сказать. Она могла только извиваться и лгать с безнадежностью обреченной, как хищник, попавший в капкан.

— Ну? — сказал он.

Она сделала беспомощно-жалобный жест. Что могла она сказать;

— Зачем? — продолжал он — Я хочу знать: зачем?

И вдруг его взгляд остановился на уголке письма, показавшемся из-за ее корсажа. Мгновение — и письмо очутилось в его руках. С криком ужаса она бросилась чтобы отнять письмо, но его рука, поймавшая ее руку и впившийся в ее глаза взгляд заставили ее отпрянуть.

— Кэмпбелль! — прошептал он, пробежав письмо. — Так это был Кэмпбелль.

Она взяла себя в руки: мужество вернулось к ней. Больше уже нечего было отрицать. Ее лицо стало каменно-холодно, и лишь глаза страшно горели.

— Да-сказала она. — Это был Кэмпбелль.

— Кэмпбелль! Кто угоден только не он! Он поднялся и заходил по комнате. Кэмпбелль, лучший человек, которого он знал, человек, вся жизнь которого была одним сплошным подвигом самоотвержения, храбрости, великодушия, словом, всех тех качеств, что присущи выдающемуся человеку. Итак, теперь и он пал жертвой этой спрены, этот человек, которому он всегда пожимал руку, как другу. Это казалось невероятным, но налицо было это страшное письмо, с мольбой к Люсиль бежать и разделить его судьбу, судьбу человека без средств и без надежды на будущее. Каждое слово письма доказывало, что Кэмпбелль никогда не помышлял о смерти Мэсона, смерти, которая могла бы устранить все препятствия. Значит, этот ужасный выход пришел в голову ей!..

Мэсон был философом, хорошо, честно относился к людям и от них ждал такого-же отношения. И на мгновение он испытал страшную горечь разочарования. Разве не справедливо было бы уничтожить и Люсиль и Кэмпбелля, людей которые пытались уничтожить его? Но потом его ожесточенный ум смягчился. Может ли он обвинять

Кэмпбелля? Он знал могущество очарования этой женщины. И это обаяние исходило не только от ее физической красоты. У нее была исключительная способность подойти к человеку, заинтересовать его, сделав вид, что принимает в нем горячее участие, проникнуть в те области его мозга и сердца, куда люди никого не пускают, и делая вид, что направляет его на путь добродетели, все плотнее, туже затягивать свои тонкие неотразимые сети... Он вспомнил как это произошло и с ним самим. Тогда она была свободной (или это ему так казалось) и он имел право предложить ей свою руку. Но... если-бы она и не была свободной? Но... если-бы она так же сумела завладеть всем его существом? Могло-ли, чтонибудь его остановить? Сумел-бы он сдержаться и уйти прочь с разбитым сердцем и невысказанным чувством? И он должен был сознаться, что при всей своей выдержке он не смог-бы уйти.. Так почему же он испытал такое горькое чувство, когда его несчастный друг очутился в таком же положении? И жалость и какую-то странную нежность почувствовал он к Кэмпбеллю.

Он был выше ее по уму и развитию и ответственность за конфликт ложилась на него. И жалость сжимала его сердце; она казалась ему беспомощным обиженным ребенком, у которого сломали любимую игрушку.

Он шагнул по комнате молча; губы были крепко сжаты и ногти впивались в ладони, оставляли красные следы. Затем порывистым движением, он опустился рядом с ней и взял ее холодную слабую руку.

— Что это: великодушные или слабость? — подумал он.

Он боролся с собою некоторое время и... победил.

— Ты должна сделать выбор между нами, дорогая — сказал он. — Если ты уверена, действительно уверена, что Кэмпбелль, став твоим мужем, сделает тебя счастливой, я не буду препятствовать...

— Развод?.. — прошептала она...

Он крепче сжал в руке флакончик с ядом.

— Если хочешь...

Странный огонек зажегся в ее глазах, когда она смотрела на него. Это был новый человек, таким она еще его не знала. Сухой практичный американец исчез, и вместо него появился человек с огромной силой воли и любви, способный на героизм и жертвы ради любимого существа.

— Арчи! — вскричала она. — Неужели ты можешь простить мне даже это! Он усмехнулся.

— Ты глупая девочка и только... А на детей можно-ли сердиться?..

Ее руки уже протянулись к нему, когда, всколыхнув затаившуюся тишину комнаты, раздался стук в дверь и звенящей тишине странной комнаты вошла горничная. На подносе она несла карточку.

Люсиль взяла карточку.

— Капитан Кэмпбелль! я не хочу его видеть...

Но тут Мэсон вскочил.

— Наоборот, он пришел как нельзя более кстати. Просите его скорее!

Несколько мгновений спустя высокий загорелый молодой офицер вошел в конату. Он вошел с улыбкой, но как только за ним закрылась дверь и лица супругов приняли более естественное выражение, он остановился и с недоумением смотрел то на того, то на другую.

— В чем дело? — спросил он.

Мэсон сделал шаг к нему и положил ему на плечо руку.

— Я не желаю вам зла, — сказал он.

— Зла?

— Да я знаю все. Но и я сам сделал бы то же самое, очутись я на вашем месте.

Кэмпбелль вздрогнул, отступил и вопросительно взглянул на Люсиль. Она утвердительно кивнула и нетерпеливо повела плечами.

Мэсон усмехнулся.

— Вы можете не опасаться ловушки. Я вовсе не хочу вынудить у вас признание. Мы честно и дружелюбно поговорили и обсудили дело. Вот что, Джек, вы всегда были спортсменом. Вот флакончик. Независимо как он попал сюда. Если один из нас выпьет его содержимое... положение станет ясным.

Три фигуры застыли...

У него горели глаза, он переставал владеть собою.

— Люсиль, кто из нас должен это сделать?— обратился он к жене.

И три фигуры застыли...

Что то странное было в этой гнетущей тишине. Здесь был еще третий мужчина, но ни один из застывших в момент психологического кризиса не подумал о нем; как давно он был здесь как много успел он услышать—никто не знал. В дальнем углу он лежал прижавшись к стене, странная темная фигура, молча и тихо шевеля правой рукой, точно вертя что-то. От их вздоров он был скрыт большим креслом с наброшенным на него темным покрывалом и в тени его притаился неизвестный. Напряженно следил он за каждой фазой драмы, дожидаясь момента когда ему нужно будет вмешаться. Но никто этого не знал. Занятые всецело собственными эмоциями, они не обращали внимания на эту силу, которая в любой момент могла остановить дальнейшее развитие драмы.

— Вы играете, Джек?—спросил Мэсон
Офицер утвердительно кивнул.

— Нет! ни за что! нет! нет!— воскликнула женщина.

Мэсон открыл флакончик и повернувшись к маленькому столику, взял с него колоду карт. Карты и флакон... Судьба.

— Мы не должны винить ее,— сказал Мэсон.— Ну выбирайте, Джек, одну из трех. Младшая проигрывает.

Кэпбелль подошел к столу, и дотронулся до разложенных карт. Женщина смотрела на него дикими безумными глазами.

И в этот момент поднялся незнакомец, бледный и суровый.

И все трое внезапно ощутили его присутствие и быстро обернулись к нему, вопросительно глядя на него. А он смотрел на них холодно, с досадой, с каким-то неумовимым оттенком превосходства...

— Ну как?— вырвалось у нее...

— Скверно—сказал он. — Испорчено все. Разве можно работать в такой темноте. Придется выбросить всю сегодняшнюю фильму и завтра вертеть новую. И, пожалуйста, уже у меня в ателье, а то ваш самодельный павильон для кино-съемки никуда не годится.

4. Человек, который дважды умирал.

1.

Антракт между вторым и третьим действием затянулся, но трое мужчин, сидевшие в литерной ложе, не чувствовали потребности поддерживать разговор. Пьеса была криминальная, и все трое разгадали «тайну» убийства еще до окончания первого акта. Они пришли к одному и тому же решению—и притом правильному—без особого умственного напряжения.

Фэр, комиссар полиции, обедал с Джорджем Манфредом и Леоном Гонзалес (он называл их «сеньор Фуэнтес» и «сеньор Мандреллино» и несколько не сомневался, что имеет дело с уроженцами Испании, несмотря на их безукоризненное английское произношение), а после обеда вся компания отправилась в театр.

Мистер Фэр нахмурился, словно вспомнил что-то неприятное, и услышал за собою тихий смех. Обернувшись, он увидел смеющиеся глаза Леона.

— Над чем вы смеетесь? — спросил он, невольно улыбаясь.

— Меня забавляют ваши мысли, — спокойно ответил Гонзалес.

— Мои мысли? — с изумлением переспросил тот.

— Да. — Леон кивнул головой; — вы думали о Четырех Справедливых.

— Поразительно! — воскликнул Фэр: — Вы совершенно правы. Что это такое? Телепатия?

Гонзалес показал головой. Тем временем Манфред рассеянно оглядывал партер.

— Нет, это не телепатия, — сказал Леон, — это только выражение лица.

— Но я даже не упоминал об этих негодях. Каким образом...

— Выражение лица, — сказал Леон, — седлая своего коня, — есть в то же

время и выражение эмоций и относится к категории примитивных инстинктов, не подчиненных воле. Так, например, когда бильярдный игрок ударяет шар, он тянется всем телом вслед за катящимся шаром — вы, конечно, замечали, как искажается его лицо при неправильном ударе? Человек, работающий ножницами, двигает челюстью, гребцы шевелят губами при каждом взмахе весла. Такие движения мы называем автоматическими. То же вы можете наблюдать и у животных. Голодная собака, почуяв мясо, наостряет уши...

— Значит, мысли о Четырех Справедливых сопровождались особым автоматическим движением? — с улыбкой спросил комиссар.

Леон кивнул головой.

— Было бы долго описывать это, но я не хочу обманывать вас. Я скорее проследил, а не прочел ваши мысли. Вы помните последние слова в этом действии? Перед тем, как опустился занавес, этот забавный пастор воскликнул: — Справедливость! Есть справедливость и помимо закона! — И я заметил, как вы нахмурились. А затем вы посмотрели в партер и кивнули редактору «Мегафона». И я вспомнил, что вы написали для этого журнала заметку о Четырех Справедливых...

— Маленькую биографию бедного Фальмаута, который умер на этих днях, — поправил Фэр. — Да, да, я понимаю. Конечно, вы не ошиблись. Я думал о них и о их претензии разыгрывать из себя судей и палачей в тех случаях, когда закон не карает виновного, или, вернее, когда виновному удается избежать разоблачения.

Манфред неожиданно обернулся.

— Леон — сказал он по-испански; все трое разговаривали почти весь ве-

— Леон, взгляните на этого господина.

чер на этом языке:—взгляните на этого господина с бриллиантовой булавкой в галстухе; что вы скажете о нем? Вопрос был задан по английски.

Леон взял бинокль и направил его на человека, которого указал его друг.

— Хотелось бы мне слышать его голос — сказал он: — у него очень тонкие черты лица и сильно развитые челюсти, верхняя челюсть выдается. Взгляните, сеньор, не находите ли вы, что глаза у него необычайно блестят?

Манфред поднял бинокль и взглянул на ничего не подозревающего человека.

— Они подиухли—да, я вижу, они очень блестят.

— Больше вы ничего не замечаете?

— Губы очень толстые и также слегка опухли, кажется,—сказал Манфред.

Леон взял бинокль и повернулся к комиссару.

— Я готов биться об заклад, что этот человек говорит жестким надтреснутым голосом.

Фэр перевел глаза со своего собеседника на объект их наблюдения, а затем снова повернулся к Лону.

— Вы правы,—сказал он спокойно:—Его зовут Бэллем; голос у него необыкновенно резкий и грубый. Что он за тип?

— Мой друг,—ответил Гонзалес:—это порочный и злой человек. Остерегайтесь людей с блестящими глазами и надтреснутым голосом, сеньор! От них добра не ждите!

Фэр раздраженно начал тереть переносицу.

— Если бы я вас плохо знал, я бы имел грубость сказать, что вы о нем слышали или встречались с ним раньше,—заявил он,—но после того, как вы продемонстрировали нам на днях свое искусство, мне приходится допустить, что физиогномистика не шарлатанство.

Он намекнул на посещение Лесном Гонзалез и Манфредом отделения Скотланд-Ярда. Там Гонзалез просмотрел сорок фотографий преступников и перечислил преступления, связанные с каждым именем. Он сделал только четыре незначительных ошибки.

— Да, Грегори Баллем—дурной человек,—задумчиво сказал комиссар.

— Ему везет, он всегда ускользает из наших рук. Мне неприятно видеть с этим негодяем такую славную девушку, как Джени Маджиоре.

— Девушка, которая сидит рядом с ним?—заинтересовавшись, спросил Манфред.

— Актриса, — пробормотал Гонзалез. — Вы замечаете, дорогой мой Джордж, как она время от времени поворачивает голову то направо, то налево. Она привыкла приковывать к себе все взоры.

— А что вы знаете о нем? — обратился Манфред к комиссару.

— Видите ли, — серьезно сказал тот: — мне было бы трудно указать вам источник его благословения. Думаю он не чужд ростовщичества, а кроме того не брезгает и другими окольными путями...

— Как например? — спросил Манфред. Мистер Фее, повидимому, вполне доверял своему соседнику.

— Я не сомневаюсь, что все сказанное останется между нами,—начал он.—Мы думаем—и у нас есть основания,—что Баллем содержит притон для курильщиков опиума. Этот притон посещается людьми состоятельными. Читали ли вы на прошлой неделе о человеке, по имени Джон Бидуорт, который застрелил няню в Кенсингтонском саду, а затем застрелился сам? Манфред кивнул головой.

— Это был человек с большими связями, не правда ли?—спросил он.

— О, да, — с ударением ответил Фэр. — Связи у него были настолько большие, что мы не захотели впутывать в это дело его семью. Он умер на следующий день в госпитале, и врачи говорили нам, что он, несомненно, действовал под влиянием какого то индий-

Она привыкла приковывать к себе все взоры.

ского наркотического средства. В те редкие минуты, когда сознание возвращалось к нему, он говорил дежурному врачу, что предыдущую ночь провел в курильне опиума; больше он ничего не мог вспомнить. Он очнулся только в госпитале. Он умер, не имея представления о том, что совершил это ужасное преступление. Очевидно, возбужденный индийским зельем, он застрелил первого, кто подвернулся ему под руку.

— Это была курильня мистера Баллема?—оживившись, спросил Гонзалес. В эту минуту поднялся занавес, и разговор продолжался шепотом.

— Мы не знаем—в бреду он назвал имя Баллема. Мы сделали все, что было в наших силах. За Баллемом следили. Побывали всюду, где он когда-либо жил, но никаких улик не нашли.

2.

На следующий день, в девять часов утра, Леон Гонзалес сидел за завтраком. В этот час он всегда бывал в прекрасном настроении, а первый завтрак был его любимым времяпрепровождением.

Он опустил газету на стол и спросил:

— Что есть преступление?

— Профессор, — торжественно сказал Манфред:—я отвечу вам. Преступление есть отклонение от правил, руководящих человеческим обществом.

— Очень условное определение, — возразил Гонзалес.—Дорогой Джордж, ваши определения всегда условны в девять часов утра. Если бы тот же вопрос я предложил вам в полночь, вы ответили бы мне, что преступление есть действие, умышленно направленное против вашего соседа, оскорбляющее и затрагивающее его интересы. Если бы я пожелал дать узкое, и, как говорят в этой стране, легальное определение, я бы кричал: «противоречащее закону». Из десяти тысяч преступлений только одно открывается. Привыкли ассоциировать преступления с теми нарушениями закона, какие совершаются определенным типом людей, безумцами или полубезумцами, именуемыми обыч-

но «преступниками». Но вот перед нами гнусное преступление, монументальное преступление. Вот человек, совращающий молодежь, бесжалостно разбивающий сердца. Он увлекает мужчин и женщин с прямого пути и унижает их в их собственных глазах, он убивает все стремления и все надежды для того, чтобы самому пользоваться известным комфортом, каждый вечер одевать свежую крахмальную рубашку и запивать свой дорогой и недобоваримый обед такими же дорогими и ненужными винами.

— Где этот человек?—спросил Манфред.

— Он живет на Джермин-стрит. Леон.

— Вы говорите о мистере Баллеме?

— Я говорю о мистере Баллеме, — с важностью ответил Гонзалес:—Сегодня вечером я превращаюсь в иностранца, с набитыми золотом карманами и непреодолимым желанием развлекаться. Я не сомневаюсь, что рано или поздно пути мои и мистера Баллема скрестятся. Я похож на сыщика, Джордж?—неожиданно спросил он.

— Вы скорее похожи на уличного музыканта, — сказал Джордж, а Гонзалес фыркнул.

— Вы можете быть и очень неприятным в девять часов утра, — сказал он.

В погоне за легкой наживой преступники (этим термином мы пользуемся, согласно определению Леона Гонзалеса) рискуют многим. Прежде всего им грозит разоблачение и наказание, налагаемое, как на крупных так и на мелких преступников. Затем есть риск потерять немалую сумму денег, вложенную с целью заработать еще больше. Преступник, вкладывающий деньги в свое дело, меньше рискует быть разоблаченным. Вот почему, главным образом, только бедняки попадают в руки правосудия, тогда как люди со средствами, которые с негодованием отвергли бы предположение, что они являются нарушителями закона, редко предстают перед судом.

Мистер Грегори Баллем являлся представителем одного акционерного об-

щества, купившего на аукционе три дома на Монтэю-стрит.

эс. Первый дом был предназначен для контор. В нижнем этаже помещался адвокат, второй этаж был занят виноторговцем, в третьем находилась контора мистера Грегори Баллема. Этот джентльмен снимал также подвальный этаж, который с помощью штукатурки и краски был превращен в чистое и изящное помещение. Через этот подвал вы могли пройти в гараж, выстроенный для одного из компаньонов Баллема, но гараж мистера Баллема не интересовал никого.

Кроме рабочих, делавших ремонт, никто не подозревал, что из одного дома в другой можно проходить или через дверь в подвале, существовавшую еще с незапамятных времен, или через новую дверь в конторе мистера Баллема.

Третий дом был занят Интернациональным клубом художников; по мнению полиции, мистер Баллем там не бывал, но крайней мере он никогда не входил туда через парадную дверь. В клубе художников была «комната отдыха», и там иногда каким то загадочным образом появлялся мистер Баллем, встречался с избранным маленьким обществом и через потайную дверь увлекал всю кампанию в нижний этаж среднего дома. Из трех домов средний имел самый благоустроенный вид. На всех окнах висели чистые кисейные занавески. Здесь жил почтенный джентльмен с женой.

Почтенный джентльмен каждое утро в десять часов уходил из дому, очевидно, в контору; его блестящий шелковый цилиндр изящно сидел на голове, под мышкой он нес свернутый зонтик, а в петлице всегда красовался свежий цветок. Полиция знала его по виду, и местные констебли, встречаясь с ним отдавали ему честь. В былые дни, когда мистер Раймонд, как он называл себя, носил роскошную белую бороду и зарабатывал на жизнь писанием просительных писем и свиданиями с доверчивыми и сочувствующими дамами, его звали иначе, и не было у него той репутации, какой он пользовался на Монтэю-стрит. Но теперь

он был чисто выбрит и имел вид адмирала в отставке. Каждую неделю он получал четыре фунта за то, что по утрам уходил из дому в своем шелковом цилиндре на бекрень, с зонтиком под мышкой и изящной бутоньеркой в петлице. Он проводил большую часть дня в читальне, а домой возвращался только в пять часов вечера.

Окончив, таким образом, дневную работу, он уходил с женой в свою маленькую комнатку на чердаке. Там они играли в карты и вели веселые разговоры.

В первом этаже, за тройными черными бархатными занавесами мужчины и женщины курили опиум день и ночь. Это была большая комната, вернее, две комнаты, соединенные в одну и отделанные под руководством мистера Баллема. В этой комнате курили только опиум. Если вам приходила фантазия испробовать гашиш; вы спускались в подвальное помещение. Иногда сам мистер Баллем приходил покурить волшебное зелье, но обычно он прибегал свои визиты для тех случаев, когда в заведение являлся новый и состоятельный клиент. Трубка не производила дурного действия на мистера Баллема. Этим он хвастался. Сейчас он сосредоточил свое внимание на новом клиенте, богатом испанском художнике, подобранном одним из его шакалов и доставленном в Интернациональный клуб художников.

— Мне не нужно—заявил новый посетитель, отмахиваясь от желтолицего китайца, обслуживающего курильщиков.—Я всегда приношу свое собственное курево.

Баллем с любопытством наклонился вперед. Незнакомец достал из кармана серебряную коробочку и вынул оттуда зеленоватую клейкую пилюлю.

— Что это такое?—заинтересовавшись, спросил Баллем.

— Это—смесь моего собственного приготовления: канабис индики, опиум и турецкий табак. Гораздо нежнее опиума, а действие несравненно чудеснее.

— Здесь это нельзя курить,—сказал Баллем, покачивая головой. — Берите трубку, старина.

Казалось, что то разорвалось в его голове, и ослепительный свет вспыхнул перед глазами.

Но «старина» — в действительности он был молодым человеком, несмотря на седые волосы — оказался настойчивым.

— Неважно, — сказал он. — Я могу курить и дома. Я пришел только из любопытства. — И он поднялся, чтобы уходить.

— Не спешите так, — встревожился Бэллем. — Видите ли, у нас есть помещение внизу, в подвале, где можно курить гашиш, а курильщики здесь, наверху, не выносят этого дыма. Я спущусь вниз и выкурю одну трубку с вами. Берите свой кофе.

Нижнее помещение оказалось пустым, и мистер Бэллем и его гость расположились на мягком диване.

— Вы разожжете ее спичкой, — сказал незнакомец.

Бэллем, потягивая кофе, недоверчиво взглянул на трубку, предложенную ему Гонзалезом.

— Я хочу задать вам один вопрос, — сказал Леон. — Не вызывает ли у вас подобное занятие бессонницы по ночам?

— Какие пустяки! — сказал мистер Бэллем, разжигая трубку и затягива-

ясь с видимым удовольствием. — Гм... Недурная смесь. Да, вы говорите — бессонница по ночам? Почему у меня должна быть бессонница?

— Видите ли, — ответил Леон: — многие страдают от этого, не так ли? Я хочу сказать, что куренье такого рода зелья разрушает людей.

— Это их дело, — равнодушно заявил Бэллем. — Они получают свою долю наслаждения. Нам дана одна жизнь, и умираем мы только один раз.

— Некоторые умирают дважды, — хладнокровно возразил Леон. — Есть люди, которые под влиянием наркотических средств теряют сознание и пробуждаются к жизни убийцами. На востоке есть яд, который туземцы называют «бэль». Он превращает людей в буйных сумасшедших.

— Ну, это меня мало интересует, — нетерпеливо перебил Бэллем. — Мы должны поскорей выкурить наши трубки. Я жду одну даму, а с дамами нужно быть точным, старина. — засмеялся он.

— Вы ошибаетесь, этот яд должен заинтересовать вас, сказал Леон, — и

несмотря на свидание с мисс Маджиоре...

Бэллем вздрогнул.

— О чем вы болтаете, черт возьми? сердито крикнул он.

— Несмотря на это свидание, я должен сообщить вам, что яд, который превращает человека в зверя, значительно сильнее тех наркотических средств, какими вы пользуетесь в этом притоне.

— Какое мне дело до этого?—проворчал Бэллем.

— Вас должно это интересовать,—сказал спокойно Леон,—потому что в настоящую минуту вы курите двойную дозу!

3.

С яростным криком Бэллем вскочил на ноги, но что случилось после этого, он не мог вспомнить. Казалось, что то разорвалось в его голове, и ослепительный свет вспыхнул перед глазами. Века, тысячелетия пронесли над ним, вспыхивающие огни и громовые раскаты, заглушенные голоса, непрерывное беспокойное движение. Временами он чувствовал, что говорит, и жадно прислушивался, пытаясь разобрать слова. Иногда к нему обращались и смеялись над ним, и он сознавал, что кто то преследует его.

В полусознательном состоянии он тщетно пытался определить время. Наконец, он со стоном открыл глаза. Ему казалось, что голова его раскалывается от невыносимой боли. Он лежал на кровати. Это была жесткая кровать, с такою же жесткой подушкой. Он посмотрел на выбеленный потолок, на гладкие, окрашенные масляной краской стены. Потом свесил голову с кровати и увидел цементный пол. В комнате горело две свечи, одна на столе, другая в углу, где сидел какой то человек, погруженный в чтение газеты. Этот человек показался странным Бэллему, и он пристально вглядывался в него.

— Я сплю,—сказал он громко, и человек поднял голову.

— Здорово! Хотите встать?

Бэллем не отвечал. Он все еще вглядывался с полуоткрытым ртом. Стран-

ный человек был в мундире, темном мундире плотно охватывающем его фигуру. На голове его была фуражка со значком, а талию стягивал лакированный пояс. Бэллем прочел буквы на погонах.

— Т. Н.,—повторял он в недоумении.—Т. Н.

Что означают эти буквы? И вдруг он понял.

Тюремный надзиратель! Он еще раз окинул взглядом комнату. В ней было только одно окно с толстым стеклом и крепкой железной решеткой. На стене висел какой то лист. С трудом поднялся он с постели и, все еще с полуоткрытым ртом, начал читать:

«Правила для тюрем»...

Он осмотрел себя. Очевидно, он лег в постель в брюках и носках; его брюки были из какого то грубого желтого материала с клеймом. Он в тюрьме! Но сколько времени он здесь пробыл?

— Ну, как вы настроены сегодня?—вежливо спросил надзиратель:—помните, мы не желаем повторения вчерашней сцены!

— Сколько времени я здесь пробыл?—хрипло спросил Бэллем.

— Сами должны знать... Вчера было три недели, как вы здесь...

— Три недели!—ахнул Бэллем.—В чем меня обвиняют?

— Охота вам притворяться, Бэллем?—дружелюбно заметил надзиратель.

— Ложитесь лучше спать. Вы же знаете, мне не разрешается разговаривать с вами. Иногда я думаю, что вы в действительности такой же помешанный, каким хотите казаться.

— Я был... болен?—спросил Бэллем.

— Болен?—Надзиратель кивнул головой.—Я не был с вами на суде, но мне говорили, что вы вели себя там, как одержимый, а когда суд вынес смертный приговор...

— Как!?—взвизгнул Бэллем, падая на кровать с перекошенным лицом.—Смертный приговор!—Он едва мог говорить эти слова.—Что же я сделал?—

— Вы убили молодую даму, вы это знаете, — ответил надзиратель. — Я удивляюсь вам, Бэллем. Я обратился

с вами, как друг; зачем же вы хитрите со мной? Почему не возьмете себя в руки и не встретите наказание, как мужчина?

В углу над головой надзирателя висел календарь.

— Двенадцатое апреля, — прочитал Баллем и снова чуть не вскрикнул: теперь он вспомнил все. Первого марта он встретил таинственного иностранца. Балль, Яд, который сводит людей с ума!

Он вскочил на ноги.

— Я должен видеть начальника тюрьмы!.. Я скажу им всю правду! Меня отравили!

— Все это мы уже от вас слышали, — хладнокровно перебил надзиратель. — Когда вы убили эту молодую даму...

— Какую молодую даму! — завизжал Баллем. — Неужели Маджигоре! Не говорите мне...

— Вы знаете, что ее то вы и убили. — сказал надзиратель. — Какой смысл поднимать шум? Ложитесь лучше в постель, Баллем. Все равно, вы ничего не добьетесь, даже если и пробуяните всю ночь... да еще такую ночь!

— Я должен видеть начальника тюрьмы! Могу я написать ему?

— Пишите, если хотите, — и надзиратель указал на стол.

Баллем, шатаясь, дотопался до стола и, дрожа, опустился на стул. Перед ним лежало несколько листков синей бумаги со штемпелем наверху: «Тюрьма. Уэндсуорт».

4.

Он был в Уэндсуортской тюрьме! Он снова оглядел комнату. Она походила на камеру, но в то же время чем то отличалась от нее. Баллем еще ни разу не был в тюремной камере, и, конечно, рисовал ее себе иначе. Но все же стены были голые, и дверь казалась ужасно тяжелой.

Страшная мысль промелькнула в его голове.

— Когда... когда я буду... наказан? — спросил он, заикаясь.

— Завтра.

Словно упало, как молот, и Баллем склонился к столу, опустил голову на руки и истерически зарыдал. Потом

внезапно он начал писать с лихорадочной быстротой. Лицо его покраснело от слез.

Письмо было бессвязное. Там говорилось о человеке, который пришел в клуб и дал ему яду, а потом он провел целую вечность во мраке, прорезываемом вспыхивающими огнями. Он слышал тихие голоса и знал, что за ним гонятся. И он невиновен. Он любил Джени Маджигоре. Он не коснулся бы волоса на ее голове.

Тут он перестал и снова разрыдался. Может быть, это — только сон? Может быть, он все еще находится под наркозом? Он с силой ударил кулаком по стене и сморщился от боли.

— Ну, ну, без глупостей! — сердито сказал надзиратель. — Ступайте на кровать.

Баллем посмотрел на свою окровавленную руку. Значит это — правда? Это не сон! Это действительность.

Он лег на кровать и снова впал в бессознательное состояние, а когда очнулся, надзиратель попрежнему сидел в углу с газетой. Баллем задремал, но каждую минуту просыпался, и каждый раз какой то внутренний голос шептал ему: — утром ты умрешь!

Один раз он с воем вскочил с постели, но его отбросили назад.

— Если это повторится, я позову помощника, и мы вас свяжем. Почему вы не ведете себя, как подобает мужчине? Ей было не легче, чем вам, — с негодованием сказал надзиратель.

После этого он успокоился и снова погрузился в тяжелый сон. Его разбудил надзиратель. Открыв глаза, он увидел свое платье, аккуратно сложенное на стуле подле кровати, и начал торопливо одеваться.

Он оглядывался, разыскивая что то.

— Где воротничек? — спросил он, дрожа.

— Воротничек вам не нужен, — и в голосе сторожа ему почудилась насмешка.

Баллем почувствовал головокружение и упал на кровать.

— Крепитесь! — сказал надзиратель. — Другие тоже прошли через это. Я слышал, что вы были содержателем пригона. Немало ваших клиентов по-

бывало у нас. Они прошли через это, должны пройти и вы.

Бэллем ждал, сидя на кровати и опустив голову на руки. Дверь отворилась, и вошел худой человек с рыжей бородой и щетиной рыжих волос.

Надзиратель повернул заключенного спиной.

Беллен весь поседел.

— Заложите руки за спину,—сказал он Бэллем, покрылся холодным потом, когда ремень стянул ему кисти.

И потом свет угас. Ему надвинули колпак на лицо, и он услышал за собой голоса. Он знал, что не готов к смерти. В таких случаях всегда приводят патера. Кто то взял его под руки, и он медленно пошел к дверям, через двор и еще через какую то дверь. Это был длинный путь, и не раз колени его подгибались, но он шел вперед. Наконец они остановились.

— Стойте смирно,—сказал чей то голос. Он почувствовал, как петля скользнула по его шее, и он ждал, ждал в агонии, минуты, часы. Он уже не мог определить время. Вдруг он услышал тяжелые шаги, и кто то схватил его за руку.

— Что вы здесь делаете, старина?—раздался голос.

Колпак слетел с его головы. Он стоял на улице. Была ночь. Свет уличного фонаря падал на полисмена, с любопытством рассматривавшего его.

— У вас веревка на шее. И кто то связал вам руки. Что это—преступление — говорил полисмен, распуская ремень,—или шутка? Я удивляюсь вам, сударь! Старый джентльмен, с седыми волосами.

Волосы Грегори Бэллема были черными всего семь часов назад, когда Леон Гонзалес подмешал порошок в его кофе, и через подвальную дверь перенес в огромный двор за клубом.

Здесь, как выяснил Леон, заранее исследовавший место, находился прекрасный новый гараж, где они беспрятственно провели комедию с камерой осужденного, воспользовавшись синей тюремной бумагой и копией тюремных правил, по неведению пожертвованных комиссаром полиции министром Фэром.

СМЕСЬ.

Машина времени.

Роман Уэльса под этим заглавием известен всем: английский писатель фантазировал о машине, которая может в одно мгновение умчать нас «по реке времени» и в туманную даль будущего и в загадочный мрак отдаленного прошлого. Кто из читателей Уэльса мог думать, что это, казалось бы, несбыточная греза сделается когда-нибудь предметом научного обсуждения? Между тем, новое учение о пространстве и времени, созданное гениальным германским физиком Эйнштейном, подводит нас вплотную именно к подобным проблемам! «Известный физик Ланжевэн так рисует фантастическую картину, которую можно считать технически абсурдной, но физически возможной. Мы устраиваем ядро, в которое помещаем хронометр и наблюдателя и заставляем это ядро улететь с Земли со скоростью, скажем, в 250.000 километров (верст) в секунду, т. е. с несколько меньшей, чем скорость света. Благодаря скорости, движение хронометра (согласно теории Эйнштейна) будет замедлено, и когда на его циферблате стрелка обернется около 1500 раз, т. е. пройдет два года, заставим ядро вернуться на Землю. Земные же хронометры в это время свершат 150.000 оборотов, и время, истекшее на земле, будет равно целым 200 годам! Уже французские романы подхватили эту фантастическую картину: прекрасная молодая женщина покидает земной шар, и по возвращении через два года встречает своих правнуков седыми стариками!..» (Из книги акад. А. Е. Ферсмана «Время»).

Родоначальник Шерлока Холмса.

Принято считать, что родоначальником того литературного жанра, которому Конан-Дойль доставил такую популярность своими рассказами о Шерлоке Холмсе, был американский беллетрист и поэт Эдгар По. Действительно, Э. По еще в сороковых годах прошлого века напечатал ряд произведений, по характеру своему весьма близкие к жанру Конан-Дойля. Это прежде всего «Убийство на улице Морг», затем «Золотой жук» (раскрытие тайнописи; за этот рассказ По получил премию в тысячу

долларов), и особенно «Украденное письмо».

Но при этом забывают, что еще ранее Диккенс дал великолепный образчик «сыщицкой» литературы в одном из рассказов малоизвестной у нас серии «История семи бедных путников» (рассказ четвертого путника *). Фабула рассказа такова. Адвокату необходимо извлечь из рук шантажиста письмо, могущее скомпрометировать его клиента. У него имеется лишь одно указание, из попавшей в его руки записной книжки шантажиста, относящееся, повидимому к месту, где спрятано письмо; это — загадочная фраза.

5 вдоль. 4 поперек.

«По всей вероятности — размышляет сыщик — это какая-нибудь мерка, очень ему нужная. Но какая же мерка? Положим: 5 дюймов и 4 дюйма — это шло бы разве к парикю, а парика он не носит. Положим: 5 футов — это не мерка ни для плаща, ни для фрака; положим 5 ярдов — это могло бы быть меркою разве для веревки, на которой когда-нибудь его повесят. Что-ж это такое? О чем ему нужно помнить? Чем заняты его мысли? Сколько я знаю письмом и только письмом. Не имеет ли эта мерка какой-нибудь связи с письмом? Посмотрим. «5 вдоль, 4 поперек» — это не мерка для пакета, нет, это должно относиться к какому-нибудь предмету в его комнате, это было мне ясно; но точное ничего не мог я придумать для решения своей задачи».

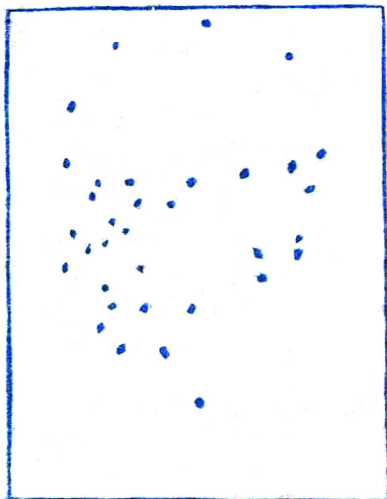
После долгих систематических поисков загадка была разрешена. Оказалось, что указание «5 вдоль, 4 поперек», относится к ковру, лежавшему в комнате шантажиста. «Фон ковра был черный; рисунок состоял из букетов, роз с листьями, разбросанными по ковру правильными рядами. Я сосчитал их: 10 в длину комнаты, восемь в ширину. Отсчитав 5 и 4 от смежных стен, я стал на колени над центральными букетами... Ноготь указательного пальца зацепился за что-то. Я раздвинул тут густую шерсть ковра и увидел на его основе узенький рубец; разрез был в полдюйма длины, и черная нить, вытянутая из ковра, тончала на четверть дюйма из разреза. Я слегка потянул нитку — и показалась бумага, свернутая в тоненькую трубочку. Я развернул ее... Письмо было в моих руках!».

Как видите, литературная манера Конан-Дойля имеет за собой почтенную давность в шесть десятков лет и восходит к автору «Лондонских воров» — Чарльзу Диккенсу.

ЗАДАЧИ

№ 1 Портрет из точек.

На первый раз схема из точек кажется нелепой. Задача состоит в том чтобы про-
вести между данными 35 точками трид-
цать одну прямую линию так, чтобы
получился портрет человека с усами.

Это не так трудно. Попробуйте.

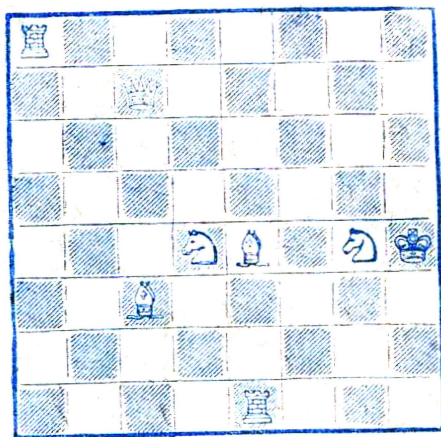
№ 2 Сколько ступенек?

Я живу на верхнем этаже огромного до-
ма и взбираюсь каждый раз по огромной
лестнице с частыми ступенями. Я заметил
странную вещь: если я шагаю через две
ступеньки то остается одна линияя: шагаю
через три ступеньки—две; через четыре —
три остаются; пробую через пять—остаются

четыре; перескакиваю через шесть — пять
в остатке...

В общем в лестнице на взгляд не более
500 ступеней. А сколько все таки?

№ 3 Шахматы

На обычных 64 квадратах (полях) шах-
матной доски размещены фигуры: король,
ферзь (королева), два слона (офицера), две
ладьи (туры) так, что все 64 поля нахо-
дятся под ударом и все фигуры защищают
друг друга.

Ниже мы помещаем диаграмму ответ
одного шахматиста, но в его решении ко-
роль и королева не защищены. Он утверж-
дает что это единственный ответ. А мы
думаем, что возможен и другой, где будет
не защищена лишь одна фигура.

Найдут ли это решение читатели?

Ответы направлять по адресу:

Москва, Козицкий пер., 2, редакция „МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ“: на конверте
обязательно писать „В ОТДЕЛ ЗАДАЧ“

Фамилии решивших будут печататься на страницах „МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ“